

МЕМОУАРЫ. ПИСЬМА. ДНЕВНИКИ

Литературный факт.
2021. № 4 (22)

Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no. 4 (22), 2021

Научная статья
с публикацией архивных материалов
УДК 821.161.1.0
<https://doi.org/10.22455/2541-8297-2021-22-173-224>

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

Н.М. Языков и граф Д.И. Хвостов: диалог романтика и классика

© 2021, А.В. Курочкин

Всероссийский музей А.С. Пушкина, Санкт-Петербург, Россия

Аннотация: Статья посвящена взаимоотношениям ярких представителей противоположных литературных направлений — романтика Н.М. Языкова и классика графа Д.И. Хвостова. Начинаясь как стихотворная игра, общение двух поэтов постепенно переросло в переписку. История их диалога воссоздается на основе прижизненных стихотворных публикаций и эпистолярных материалов из архивов Языкова и Хвостова, хранящихся в Рукописном отделе ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН. Впервые в научный оборот полностью вводится переписка двух поэтов. В работе раскрывается характер их творческих связей, обрисовываются грани литературных интересов и оценок, дополняя картину истории словесности пушкинского времени. Уточняются некоторые факты, относящиеся к А.С. Пушкину.

Ключевые слова: Н.М. Языков, Д.И. Хвостов, А.С. Пушкин, романтизм, классицизм, стихотворный диалог, переписка.

Информация об авторе: Александр Валентинович Курочкин — научный сотрудник, Всероссийский музей А.С. Пушкина, наб. реки Мойки, д. 12, 191186 г. Санкт-Петербург, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-8291-0427>
E-mail: alkurochkin@mail.ru

Для цитирования: Курочкин А.В. Н.М. Языков и граф Д.И. Хвостов: диалог романтика и классика // Литературный факт. 2021. № 4 (22). С. 173–224. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2021-22-173-224>

В эпоху противостояния литературных течений творческие диалоги их представителей в большинстве своем приобретают полемический характер. Возникает взаимный обмен колкими эпиграммами, обычный для поэтов-антагонистов¹. Однако с особым интересом

¹ Подобные любопытные дебаты происходили не только в поэзии, но и в прозе. Так, предисловие П.А. Вяземского «Разговор между Издателем и Классиком»

можно наблюдать за более редким явлением, когда поэтический разговор участников — стихотворцев разных школ — представлял собой не спор, а скорее своеобразную литературную игру. Среди творческих диалогов, происходивших в писательской среде в пушкинскую эпоху, отдельного внимания заслуживает поэтическое общение, возникшее между «романтиком» Н.М. Языковым и «классиком» графом Д.И. Хвостовым. Стихотворцам не суждено было встретиться лично, но тем не менее их литературные отношения явили яркую страницу в творчестве каждого.

Предпосылкой этого удивительного диалога поэтов разного направления стали активные наставнические установки Хвостова, привлекавшие внимание поэтических оппонентов апологета классицизма. Поэты младшего поколения обращались к престарелому графоману с хвалебными панегириками и просьбами научить мастерству. Как отмечал Ю.Н. Тынянов, Хвостов и сам «вовлекал в эту двусмысленную игру поэтов помоложе и менее опытных, и они не всегда с честью выходили из этого положения» [24, с. 305].

Для ответа на вопрос, почему Хвостов, отошедший в 1820-х гг. от активных литературных дебатов, вступил в публичное общение с поэтом диаметрально противоположного направления, необходимо рассмотреть его отношение к романтической школе. Рассуждая о классиках и романтиках, он полагал, что «в обоих учениях, или толках, может быть худой и хороший поэт; только равно классик и романтик не должны погрешать против рассудка и вероподобия» [19, т. 7, с. 246]. Ему «грустно видеть, что многие разбиратели (так Хвостов именовал критиков. — *А.К.*) занимаются только тем, что Певец Кубры² или другой Автор Классик, не Романтик, а нимало не смотрят на красоты и недостатки разбираемого сочинения» [19, т. 7, с. 247]. Вступать в открытую дискуссию с романтиками граф считал бессмысленным занятием: «Спор классика и романтика — есть такая плоскость, что насмешит каждого: ты говоришь, что я раскольник, я говорю, что ты старовер» [11, с. 75–76], — писал он, характеризуя поэму Пушкина «Граф Нулин», помещенную в альманахе «Северные цветы на 1828 год». Стоит отметить, что к представителям романтической школы Хвостов относился терпимо, хоть и позволял себе критиковать их. Свои мысли он заносил в тетради и часть этих заме-

с Выборгской стороны или с Васильевского острова» к «Бахчисарайскому фонтану» А.С. Пушкина (М., 1824) встретило живые отклики в оппозиционном романтикам лагере.

² На реке Кубре под Переславлем-Залесским находилось принадлежавшее Хвостову имение Выползова Слободка и граф именовал себя «Певцом Кубры».

ток намеревался включить в свои «Записки о словесности». Так, он обратил внимание на рассуждения К.Ф. Рылеева на страницах «Сына отечества»³ о классическом и романтическом течениях. В архиве Хвостова сохранился его неопубликованный отзыв на рылеевскую статью:

В ноябре месяце сего года в Сыне Отечества №⁴ есть рассуждение Г. Рылеева о поэзии, в коем он силится доказать, что романтик есть первый поэт на свете, хотя и говорит, что классики есть только образцовые писатели древности, а не составляют особого учения или разряда. Сие, мне кажется, не основательно. Можно быть классиком по таланту, и классиком по наблюдению правил природы, однажды принятых о сущности поэзии. Можно быть хорошим писателем, т. е. иметь хорошие отрывки без наблюдения трех единств; но сомневаюсь, чтобы самый гений без наблюдения первого единства, т. е. узла и без цели в каком бы то роде стихотворства ни было, мог быть *образцовой* писатель. Поэзия есть дело общее; она равно должна пленять всякого человека просвещенного или невежу, обитателя севера или юга, нелепица — пустословие, многообразие узла или частей — не пленяет каждого читателя или зрителя. Ненаблюдение правил нравится, примерно говоря, в Англии и Немецкой земле. Это привычка, а, может быть, и незнание о красоте изящной (*La belle Nature*)⁵.

Хвостов не разделяет литераторов на представителей различных школ, для него не столь важно соблюдение традиций, установленных классицизмом и искусственно привнесенных в поэзию, сколь значимо наблюдение правил, определяемых природой.

Любопытно, что в 1821 г. Рылеев обратился к Хвостову с посланием. В сохранившемся в архиве графа печатном оттиске на листе синей бумаги читаем:

Переводчику Андромахи
(На случай пятого издания перевода
сей прекрасной Расиновой Трагедии)
Пусть современники красот не постигают,
Которыми везде твои стихи блестят;

³ Рылеев <К.Ф.> Несколько мыслей о Поэзии (Отрывок из письма к N.N.) // Сын отечества. 1825. Ч. 104. №. 22. С. 145–154.

⁴ Далее пробел в рукописи. Должно быть: № 22.

⁵ ИРЛИ. Ф. 322. Ед. хр. 31. Л. 62 об. – 63.

Пускай от зависти их даже не читают,
 И им забвением грозят!⁶
 Хвостов! будь тверд и не страшись забвенья:
 Твой славный перевод Расина, Буало,
 В награду за труды и дивное терпенье,
 Врагам, завистникам на зло,
 Венцем бессмертия венчал твоё чело.
 Так, так; твои стихотворенья
 В потомстве будут все читать,
 И слезы сожаленья
 За претерпенные гоненья⁷
 На мавзелей <так!> твой проливать.

*К. Рылеев*⁸.

Рылеев пародировал высокопарный язык поэта-старца, и Хвостов почувствовал в его послании иронию. На своем веку Хвостов уже вдоволь наслушался подобных саркастических панегириков в свой адрес. Стоит лишь вспомнить получившую широкий резонанс в литературной среде речь Д.В. Дашкова, восхвалявшего сверх меры творчество графа на заседании Вольного общества любителей словесности, наук и художеств (см.: [23]). Послание Рылеева вызвало следующее возражение Хвостова:

Примеч<ание>.
 Так, так; твои стихотворенья
 В потомстве будут все читать,
 И слезы сожаленья
 За претерпенные <так!> гоненья
 На мавзолей твой проливать.

Прекрасно; но ополчение зоилов и даже невнимание современников не есть гоненье. *Гонимы* — были Тасс, Галилей и другие. Г. Рылеев напечатал сии стихи с переменами: см. Сын Отечества

⁶ В журнальных публикациях (см.: <Б.п.> Переводчику Андромахи. (На случай пятого издания перевода сей прекрасной Расиновой Трагедии.) // Невский зритель. 1821. Ч. 5. № 3. Март. С. 259; <Б.п.> Переводчику Андромахи. (По случаю пятого издания перевода сей прекрасной Расиновой Трагедии.) // Сын отечества. 1821. Ч. 69. № 15. С. 35–36) следом за этой строкой Рылеев вставил четверостишие:

Не верь Зоилам сим: они шипят из праха;
 Ни дарования, ни вкус им не даны,
 Коль Гермiona, Пирр, Орест твой, Андромаха
 Им кажутся смешны.

⁷ В журнальных публикациях эта строка была опущена.

⁸ ИРЛИ. Ф. 322. Ед. хр. 69. Л. 180.

того времени, что лица мои смешны. Я примечание о сем поместил в примечания к одному из моих посланий: см. том 3 полного издания⁹. Рылеев был еще тогда не на воздухе. И сказал, прочтя мое замечание: я пошутил, а ваше замечание пойдет в потомство. В ответ ему отвечать надобно было: *Потомства не страишь — его ты не увидишь*¹⁰.

Время показало, что прав был Рылеев: Хвостов остался в памяти поколений потешным творцом «образцовых глупостей». Граф употреблял приемы своих предшественников некритично, порой не замечая иронии в их произведениях. Как было отмечено, Хвостов «воспринимал авторитетные классические руководства и правила *буквально* и стремился в точности и целокупности воплотить их в собственном творчестве и поведении» [5, с. 160]. В теоретических прокламациях Хвостов выступал против буквализма в сочинительстве¹¹, однако сам был бессилён порвать силки буквализма; все его попытки представить накопленный классицистический опыт критически осознанным выглядели неудачно. Стремление Хвостова адаптировать на русской почве классическое наследие подвергалось критике и насмешкам современников, не был исключением и его перевод «Науки о стихотворстве» Буало. Хвостов не пытался спорить с «зоилами» о бессмыслице собственных стихов, но при этом граф не выказывал и тени иронии по отношению к своим произведениям и всячески пресекал подобные мысли у читателей. Хвостов нашел способ отвести эти обвинения, объясняя в комментариях употребление тех или иных выражений, чтобы предупредить их неправильное истолкование. Более того, он хотел придать своим утверждениям научную основательность, иногда ссылаясь на Академический словарь, отчего объяснения выглядели еще комичнее.

Обращаясь к Хвостову с посланием, Языков не повторял «ошибок» занявшего позицию критика классического учения Рылеева. Он не стал столь открыто проявлять иронию по отношению к старому графоману, а выбрал беспроегрешный вариант: завуалировать на-

⁹ На рылеевский отзыв у Хвостова готова отповедь. В примечании к посланию Н.Ф. Остолпову (1821) он пишет: «Нескромные ценители найдут везде место к приветствию. Иные даже превозносили Автора за то, что лица в *Андромахе* им переведенной некоторым *казались смешны и что многие его не читают*» [19, т. 3, с. 162].

¹⁰ ИРЛИ. Ф. 322. Ед. хр. 69. Л. 181–181 об. Этот отзыв Хвостова опубликован в: [14, с. 412], где дается ссылка на примечание в предшествовавшем собрании сочинений графа [18, ч. 2, с. LIII], практически не претерпевшее изменения в следующем издании.

¹¹ См. об этом: [11, с. 80].

смешку просьбой поэтического совета и, таким образом, польстить самолюбию Хвостова. Более того, следуя традициям классической школы, он прибегает к уничижению собственных поэтических достоинств. Свое послание Языков, как неопытный младший собрат по перу, наполняет восторженным подвострастием:

Почтенный старец Аполлона!
Как счастлив ты: давным-давно
В тенистых рощах Геликона
Тебе гулять позволено.
Еще теперь, когда летами
Твоя белеет голова,
Красноречивыми хвалами
Тебя приветствует молва —
И поздний глас твоей цевницы
Восторгом юным оживлен; —
Так блеском утренней зарницы
Вечерний блещет небосклон.

Слуга Отечественной славы,
Ты пел победы и забавы
Благословенного Царя,
Кубры серебряные воды,
И ужас Невской непогоды,
И Юга бурные моря.
Ты украшал, разнообразил
Странноприимный наш Парнас,
И зависти коварный глаз
Твоей поэзии не сглазил.
А я... какая мне дорога
В гурьбе поэтов удальцов?
Дарами ветреных стихов
Честим блистательного Бога;
Безделья вольного сыны,
Томимы грустью безутешной,
Поем задумчивые сны
И грезы молодости грешной;
Браним людей и света шум,
Иль чувством гордости ленивой,
Питаем, лакомим свой ум
Самодовольный и брюзгливой. —

Что слава? Суета сует!
Душой высокой и свободной
Мы презираем благородно
Ее докучливый привет;
Но соблазнительные девы
За наши милые напевы
Дарят нам: пару тайных слов,
Иль кошелек хитросплетенный,
Иль скляночку воды бесценной,
Отрады ноющих зубов.
Вот наш венец и вся награда
Текучим сладостным стихам!
Но, люди... горькая досада
На свете ведома и нам! —
Нас гонит зависть, нам злодеи —
Все записные грамотеи,
И часто за невинный вздор,
За выраженье удалое,
Нас выставляет на позор
Их остроумие тупое.
О, научи меня, Хвостов!
Отречься буйного союза
Тех утомительных певцов,
Чья — недостойная Богов —
У Касталийских берегов,
Шальная вольничает Муза.
Дай мне классический совет
Свой ум настроить величаво —
Да увенчаюсь доброй славой
Я на Парнасе наших лет¹².

Языков не забывает «красноречивые хвалы»: разнообразные рецензии критиков на публикации сочинений Хвостова вызвали живую реакцию как самого графа и его соратников, так и оппонентов. Позитивных оценок было предостаточно, хотя они и принадлежали литераторам старой школы. Например, когда в 1820 г. вышел в свет очередной сборник стихотворений Хвостова, В.Г. Анастасевич откликнулся на него статьей, в которой именовал графа «маститым

¹² Языков Н. Графу Д.И. Хвостову // Славянин. 1827. Ч. III. № 36. С. 388–390, с датой: «1827. Июля 29. Камби»; включено в: [22, с. 283–286, с датой: «1828. Д.<ерпт>»].

Пиитом». По мнению рецензента, сочинения графа могут служить примером «для юных питомцев муз, если они дорожат судом потомства, которое одно властно приговорить — к бессмертию или к забвению»¹³. Мысли Анастасевича были созвучны хвостовским, и можно предположить «заказной» характер рецензии.

Престарелый поэт, предчувствуя неизбежность скорого конца, загорелся желанием поделиться опытом с начинающими поэтами, ощущая для себя в этом насущную потребность. Возможно, обращение к нему Языкова побудило Хвостова к объединению написанных в разное время четырех посланий в наставнический «Совет юным питомцам Муз». Однако почему Хвостов решил публично ответить именно Языкову, выделив его из числа других «юных питомцев муз»? Адресуя графу свои стихи, которых немало сохранилось в его архиве, их авторы — по большей части, второстепенные поэты — заискивая перед ним, слагали панегирики, наполняя их пиететом к старцу-поэту, но далеко не все из этих стихотворцев были его последователями и учениками. В их ряду находились и те, кто стремился отметить его реальные заслуги, избегая при этом чрезмерного восхваления. Например, уже после появления послания Языкова, в «Дамском журнале», издаваемом князем П.И. Шаликовым, было напечатано стихотворение Ф.П. Немчинова, озаглавленное «Старцу-Поэту юный питомец Муз»¹⁴. Хотя молодой поэт и не

¹³ Анастасевич В. Некоторые Духовные и Нравственные Стихотворения Графа Хвостова. С. Петербург, в Типографии Н. Греча. 1820. 8. стр. 31 // Труды Высочайше утвержденного Вольного общества любителей российской словесности. СПб., 1820. Ч. IX. № 2. С. 243.

¹⁴ Дамский журнал. 1830. Ч. 29. №. 7. С. 103–105. В послании можно уловить влияние языковского обращения к Хвостову. Приведем фрагменты стихотворения Немчинова:

Певец, давно известный миру,
Наш Буало и Лафонтен!
Прими в покров младую лиру:
Сей огонь души тобой возжен.

<...>

Прошли лета твои молодые,
Но в жилах не угасла кровь;
Нет к прелестям любви земные:
К отчизне, к славе есть любовь.
Питомцам Муз дав наставленья,
Картины света пишешь ты,
И славив Русские сраженья,

смог избежать восторженных слов в адрес Хвостова, тем не менее, он стремился к объективной оценке его творчества. Немчинов не наделяет Хвостова неким исключительным даром, а указывает, что граф сочиняет для собственной услады, при этом стихи «юного питомца муз», в отличие от иных льстецов-хвалителей, проникнуты искренним уважением к Хвостову. Тем не менее это послание не встретило публичного отклика старого графомана. Причиной тому была, по-видимому, малая известность автора. Дифирамбы Немчинова и подобных ему третьестепенных поэтов не могли иметь веса среди именитых литераторов¹⁵. Языковское же послание куда

Ты миру в дань несешь цветы.

<...>

Чело зима осеребряет,
Но огонь в душе твоей горит;
Нить жизни Парка доплетает,
А лира все еще гремит.
Нет, не узнаешь ты кончины:
У нас в сердцах ты оживешь;
С последней песнью лебединой
К бессмертью только перейдешь.
Любимец бога песнопенья,
Чувств сердца Русского Певец!
Из рук любви и удивленья
Ты примешь там золотой венец.
Ты чтил в других талант и гений;
Россия твой талант почтет,
И дань любимцу вдохновений (*),
Тебе плод славы принесет.

<...>

Себя отчизне посвятив,
Стихи ты пишешь для забавы;
Для Россов слишком мало жив,
Ты слишком много жил для славы.

(*) Не могу умолчать о достойном поступке Певца Кубры, показывающем уважение к чужим талантам: когда было предположено соорудить памятник Ломоносову, отцу нашей Поэзии, тогда Граф Дмитрий Иванович, сочинив на сей случай Оду, собрал до 3000 рублей и принес их в дань великому человеку. Так поступают немногие. *Соч.* (прим. Немчинова). (Там же. С. 103–105).

¹⁵ Исключение составляло только окружение графа. Так, Шаликов сравнил Немчинова с Пушкиным. См. об этом: [12, с. 87–88].

более угождало тщеславному стихотворцу. Ф.Ф. Вигель вспоминал: «Вошло в обыкновение, чтобы все молодые писатели об него оттачивали перо свое, и без эпиграммы на Хвостова как будто нельзя было вступить в литературное сословие; входя в лета, уступали его новым пришельцам на Парнас, и таким образом целый век молодым ребятам служил он потехой» [7, с. 145]. Можно представить, сколь неожиданно было обращение Языкова для графа, привыкшего получать от поэтов-антагонистов лишь колкую эпиграмму в свой адрес или пародию. И тем значимей было Хвостову узнать о желании юного романтика вступить под его знамена. Думается, подкупала графа и созвучная его собственному мнению мысль Языкова о несправедливой критике поэта за присутствие в стихах «невинного вздора». Поэтическое долголетие Хвостова, который по-прежнему «восторгом юным оживлен», Языков ставит в параллель с нынешним собственным творчеством, в котором он — «сын безделья вольного» — не просматривает будущего.

Между тем «выражений удалых» в поэзии самого Хвостова было предостаточно. От «отца зубастых голубей» (как метко назвал его Пушкин [20, т. 13, с. 239]) с нетерпением ждали новых «образцовых глупостей». Проявлял живейший интерес к стихам графа, «в которых почти всегда нет смысла, не только что мыслей» [16, с. 78], и Языков, так охарактеризовавший их в письме к братьям от 2 июня 1823 г. Или в другом письме к ним от 2 марта 1824 г. читаем: «В поэзии всего несноснее посредственность; веселее читать Хвостова — тогда по крайней мере смеешься — но читать какого-нибудь Плетнева, Туманского и многих других — это скучно как нельзя больше: что называется ни молока, ни шерсти — ни большого ума, ни большой глупости!» [16, с. 120].

Просьба поэтического совета встретила живой отклик адресата, и Хвостов обратился к молодому поэту с письмом, наполненным нескрываемой радостью¹⁶.

Милостивый Государь мой,
Николай Михайлович!

Вы удостоили одно из посланий Ваших приписать мне. Оцениая к Старику, которому в прошедшем Июле месяце минуло 70 лет, таковую благосклонность Вашу, имею честь принести совершенную и искреннюю благодарность. Случай, который Вы представили сделать Ваше лестное мне

¹⁶ Это и последующие письма написаны разным писарским почерком. Хвостову принадлежат только подписи. Приписка к данному письму также писарским, но другим почерком, сделана позднее, по-видимому, непосредственно перед отправкой письма. Подчеркивания в письмах выделены курсивом.

знакомство, меня чрезвычайно обрадовал. Я за удовольствие себе поставляю войти с Вами в переписку, и начать ее приложением ответа моего на Ваши прекраснейшие стихи, говорю не лестно, они у меня и в сердце, и в памяти. Посылаю Вам стихи мои не в виде Литературного произведения, но в знак давнего моего к Вашим достоинствам уважения. При получении сего моего письма около 10-го Сентября, то есть в следующую субботу, печатные стихи Ваши ко мне будут сиять в Славянине, в которой я отослал и мои стихи, прося Александра Федоровича¹⁷ оные напечатать, если Вы на сие согласитесь, а я прошу Вас дозволить престарелой и дряхлой Музе моей объявить публике благодарность мою Вам. Ожидая на сие благосклонного уведомления емь и буду

С истинным почтением
Милостивый Государь
покорнейший слуга
Граф Хвостов.

Августа 5-го дня
1827-го года.

P. S. Я на сей почте в особливом посылочном реестре имею честь сообщить Вам печатный пятый том моих стихотворений, Вы найдете тут почти все те мои сочинения, о коих Вы удостоили упомянуть в стихах Ваших. В пятом же томе на странице 184 в моем Надгробии Вы найдете:

Меня за перевод представляют
На суд к Расину, Буало.

Перевод мой Науки стихотворной, напечатанный 1824-го году вместе с подлинником¹⁸, он находится в Библиотеке Вашего Университета, я предаю на суд Ваш и Вы меня много одолжить изволите, если сообщите откровенно Ваши дружеские замечания, коими я за честь себе поставлю при случае воспользоваться¹⁹.

Идею, побудившую обратиться к Хвостову с посланием, Языков объяснял в письме к родным из Дерпта от 14 сентября 1827 г. следующим образом: «Сюда дошли слухи, что в пятом томе его (Хвостова. — А.К.) стихотворений²⁰, недавно изданном, содержатся самые галиматьястые; желание иметь оный том — и притом безденежно — побудило меня написать послание к Хвостову.

¹⁷ Воейкова — издателя «Славянина».

¹⁸ Хвостов пишет об издании: «Наука о стихотворстве в четырех песнях. Сочинение Г. Боало. Переведенное стихами с подлинника Графом Хвостовым 1804 Года» (СПб., 1824).

¹⁹ ИРЛИ. Ф. 348. Ед. хр. 19. 4. 87. Л. 1–2.

²⁰ Языков имеет в виду вышедший по завершении [18] дополнительный том: «Разные стихотворения Графа Хвостова, сочиненные после полного собрания. Т. 5» (СПб., 1827).

Я получил и послание, и пятый том! <...> Само собою разумеется, что старик принял их (стихи Языкова. — А.К.) за чистые деньги» [16, с. 342]. Сведения о выходе дополнительного тома Языков мог получить от профессора Дерптского университета К.-Ф. фон дер Борга, которому Хвостов регулярно присылал пару экземпляров вышедших в свет своих сочинений (один — для передачи в университетскую библиотеку) и просил перевести их на немецкий язык. В письме к братьям от 2 июня 1823 г. Языков рассказывал об обещании профессора старому метроману «передать германской публике несколько листков лаврового венца его музыки; этакая лесть, которую всякой не Хвостов почел бы за насмешку, чрезвычайно понравилась графу, и теперь почти каждая почта привозит Боргу или письмо, или стихи Хвостова» [16, с. 78]. Думается, подобной реакции графа Языков ожидал и на свое обращение, полагая, что просьба поэтического совета будет приятна старцу-поэту и тот не почувствует иронии, однако не предвидел, что столь прагматичная причина написания послания приведет к началу стихотворного диалога.

Как и предполагал Хвостов, его стихотворный ответ молодому поэту увидел свет в «Славянине»²¹. Затем вместе с посланием Языкова он появился в особом издании²², после — вновь отдельной брошюрой, с двумя другими посланиями — к Д.М. Княжевичу и барону А.А. Дельвигу²³. Ответ Языкову дважды был напечатан в пятом и седьмом томах Полного собрания стихотворений графа. В предисловии к пятому тому издатель хвостовских сочинений Авксентий Мартынов (а, возможно, сам граф, который, скрываясь за именем Мартынова, выступал в печати²⁴) признал послание к Языкову образцовым [19, т. 5, с. II]. Неумолимый перфекционист Хвостов постоянно стремится внести изменения, усовершенствовать свои написанные ранее сочинения. Как подчеркивал Анастасевич, граф «исправлял не только некоторые свои стихи и выражения, но переделывал целые строфы и пьесы» и «последовал совету облеченных им в российское слово законодателей поэзии —

²¹ *Граф Хвостов*. К Н.М. Языкову // *Славянин*. 1827. Ч. IV. № 40. С. 30–32.

²² *Послание к Николаю Михайловичу Языкову*. Сочинение Графа Хвостова. СПб., 1827.

²³ *Переписка стихами*. На 71 году от рождения Автора. Сочинение Графа Хвостова. СПб., 1828. П.А. Катенин удивлялся: «Переписка графа Хвостова на 71-м году от рождения жалка до слез: как не стыдно сенатору, старику, печатать вздорные послания к юношам, каковы Языков и Дельвиг? Как он не видит, что его дурачат?» [17, с. 116–117].

²⁴ См. об этом: [11, с. 84].

Горацию и Боало»²⁵. Приводим две печатные редакции послания к Языкову из Полного собрания стихотворений Хвостова. Они дают представление о том, как автор перерабатывал ранее написанное и уже опубликованное произведение.

Николаю Михайловичу Языкову1827 года²⁶

Пускай летал, иль только лазил
Я без удачи на Парнас;
Коль зависти лукавый глаз
Моей Поэзии не сглазил,
Прими, восторга сын — Поэт!
Которому я благодарен,
Прими классический совет,
Он простодушен, не коварен,
Ты говорил про Муз завет:
Что слава? — суета сует.
С тобой, Языков, я согласен, —
Поэту лести дым опасен;
Но здесь о славе речи нет.

Марон, настроя глас свирели,
Румянцем юности горя,
Как летом ясная заря,
Не миновал и дальней цели;
Услыша гром, увидя кровь,
На лире благость пел, любовь.
Будь сердца пламень чист в Поэте;
Внимая чистых хор певец,

Николаю Михайловичу Языкову1827 года²⁷

Пускай летал, пускай проказил,
Скучая Фебу каждый раз,
Коль зависти лукавый глаз
“Моей поэзии не сглазил,”
Сын вдохновения, Поэт!
Которому я благодарен,
Прими классический совет;
Он простодушен, не коварен.
Ты говоришь про муз завет,
Что слава, суета сует.
С тобой Языков, я согласен, —
Поэту лести дым опасен;
Но здесь о славе речи нет.

Марон, пастушьи взяв свирели,
Румянцем юности горя,
Как летом ясная заря,
Не миновал поэта цели,
Послыша гром, завидя кровь,
На лире благость пел, любовь.
Питомцу горяго совета,
Любимцу Фебовых сестриц

²⁵ Анастасевич В. Некоторые Духовные и Нравственные Стихотворения Графа Хвостова. С. 243.

²⁶ Сие Послание сочинено в ответ на то, которым удостоил Автора Н.М. Языков, и было напечатано в Сентябре месяце 1827 года в издании А.Ф. Воейкова, называемом: *Славянин*. См. в журнале: *Московский Вестник 1830 года*, новое послание Г. Языкова к Автору, № 3 и ответ последнего в том же *Вестнике*, № 4 (прим. Хвостова) [19, т. 5, с. 386].

²⁷ Сие послание напечатано было много раз, и в последнем полном издании на странице 176. Автор здесь его перепечатывает по случаю разных перемен. Оно написано в ответ на то послание, которым удостоил Автора Почтенный Николай Михайлович Языков с требованием от Певца Кубры *Классического совета* и которое было напечатано в Журнале г. Воейкова: *Славянин* в Сентябре месяце 1827 года (прим. Хвостова) [19, т. 7, с. 256].

Он лавр забыл, забыл о Лете²⁸,
 Натуры царству нет границ.
 Коль взял волшебный жезл природы, —

Земля, эфир, и ад, и воды
 В движеньи быстром и борьбе,
 Языков, рабствуют тебе.

Мир видимый и мир возможный
 Умом своим создаст Поэт;
 Но будет труд его ничтожный,
 Коль благодатной искры нет.
 Пускай земною славой дышит,
 Прелестно чувственность опишет,
 Ему не внемлет песней Бог,
 Один наперсник Муз — восторг
 Отселе в небо преселяет;
 Там звезд пылающих чертог,
 Там жизни дух все оживляет;
 Там вечно-юный дар певца
 Влечет к себе умы, сердца.
 Новграда Бард! не медли боле,
 Представь премудрость на престоле,
 Гречи Екатерины меч,
 На Альпы стань, когда Суворов,
 Чуждаясь мелких разговоров,
 Вещал устами грома речь.
 Пускай Афинян басни, драки
 Отринул вкус, безмерно строг,
 Представь Эдипа жалкий рок
 От рук свирепого Шемяки.
 Кто здесь, людских дурачеств враг,
 Забыв о гордой Мельпомене,
 Заметным хочет сделать шаг
 В гостиную Талии — на сцене,
 Тому *Кутейкин, Верхолет* — ²⁹

Нелестен лавр, не страшна Лета;
 Натуры царству нет границ.
 Коль взял волшебный жезл
 природы —

Земля, эфир, и ад, и воды
 В движеньи быстром и борьбе, —
 Языков, рабствуют тебе.

Мир видимый и мир возможный
 Умом своим создаст поэт;
 Но тяжкий труд его — ничтожный,
 Коль благодатной искры нет.
 Пускай земною славой дышит,
 Прелестно чувственность опишет,
 Ему не внемлет песней бог.
 Ловец изящного — восторг
 Отселе в небо преселяет;
 Там звезд пылающих чертог,
 Там жизни дух все оживляет,
 Там вечно-юный дар певца
 Манит к себе умы, сердца.
 Жрец Аонид, пари по воле,
 Воспой премудрость на престоле,
 Гречи Екатерины меч;
 Тогда, чуждаясь Суворов
 Обыкновенных разговоров,
 Вещал на Альпах грома речь.
 Пускай Афинян басни, драки
 Отринул вкус безмерно строг,
 Глази Эдипа жалкий рок
 От рук свирепого Шемяки.
 Кто здесь людских дурачеств враг,
 Забыв о гордой Мельпомене,
 Заметный хочет сделать шаг
 В гостиную Талии на сцене,
 Тому *Кутейкин, Верхолет*

²⁸ Автор разумеет вдохновение, которое, удаляя истинного Поэта от прилепления к тщетной славе, отчуждает и от внимания на гонение Зоиллов (прим. Хвостова) [19, т. 5, с. 386].

²⁹ *Кутейкин* — лице в Комедии: *Недоросль*, соч. Фонвизина; о *Верхолете же* — см. Комедию Я.Б. Княжнина, называемую: *Хвостун* (прим. Хвостова) [19, т. 5, с. 386–387].

Живой перед лицом совет.

Клоринда, друг любви мечтанья —
 Таит у светлого ручья
 Приют, где прелестей семья
 Амуру шепчет час свиданья;
 Живописуй, коль нежен ты,
 Филлиды милой красоты,
 Вверяя воздуху стенанья,
 Пой резвой юности игры
 И хороводы, и пиры.
 Пусть к потолку летают пробки,
 Веселость царствует одна;
 Заморских хрусталей обломки
 Прольют на стол реку вина.

Певец! постигни цель искусства,
 Славь добродетели поток,
 Страстям, пороку дай урок;
 Тебе любви высокой чувства
 Откроют истины предел,
 Где Пиндар брал запасы стрел.
 Языков! не проси совета
 У старика глубоких лет;
 Но если нужен — вот совет:
 В десницу взяв доспех Поэта,
 Напрасно время не губи,
 В обителях и Муз и света
 Советодателя любви.
 [19, т. 5, с. 176–179].

Живой перед лицом совет.

Наперсница луны, мечтанья,
 Таит у светлого ручья
 Приют, где прелестей семья;
 Амуру шепчет час свиданья.
 Живописуй, коль нежен ты,
 Параши милой красоты,
 Вверяя воздуху стенанья.
 Пой резвой юности игры,
 И хороводы и пиры:
 На потолок летают пробки,
 Веселость царствует одна;
 Заморских хрусталей обломки
 Прольют на стол реку вина.

Орфей! постигни цель искусства,
 Славь добродетели цветок,
 Страстям, пороку дай урок;
 Тебе любви знакомой чувства
 Откроют истины предел,
 Где Пиндар брал запасы стрел³⁰.
 Языков! не проси совета
 У старика глубоких лет;
 Но если нужен — вот совет:
 В десницу взяв доспех поэта,
 Напрасно время не губи,
 В обителях и муз и света
 Советодателя любви.
 [19, т. 7, с. 79–82].

Как представляется, граф стремится подыграть Языкову. Усмотрев иронию в его послании, старый графоман пытается пародировать своего молодого собрата по перу, настроиться на одну с ним волну. На восхищенное обращение Языкова: «Ты украшал, разнообразил / Странноприимный наш Парнас» — следует отклик, не разделяющий эйфории молодого поэта. В ответ на восторг звучит уничижительное: «Пускай летал, иль только лазил / Я без удачи на

³⁰ Любимое выражение Пиндара, который стихи свои, по остроте мыслей, называл стрелами, имея их довольно число в своем колчане (прим. Хвостова) [19, т. 7, с. 256].

Парнас». Однако в последней редакции Хвостов все же переделал стих о своей неудаче на литературном поприще.

Упомянув языковскую «Военную Новгородскую песню 1170 года», Хвостов дает понять, что знает о творчестве Языкова не меньше, чем молодой поэт о его сочинениях. Граф не оставил без внимания историю, связанную с публикацией «Песни» Языкова в «Северной пчеле» (1825. № 60, 19 мая): стихи вызвали недовольство министра просвещения А.С. Шишкова, который обнаружив в них политическую подоплеку с намеком на современную Россию, обвинил цензора А.И. Красовского, пропустившего «Песню» в печать, в попустительстве, а самому автору стихотворения предъявил лингвистические претензии, указав на недостатки языка [3]. По этому случаю Хвостов писал: «Злоумышление, подстрекаемое злоречием, разгласило, что в этой песне под именем древних новгородцев намекается на лица и обстоятельства нынешнего времени. <...> Красовский доказал выписками из Истории Карамзина и других летописателей, также из *Пролога*, что содержание Песни новгородцев Языкова есть историческое и что точно рать Суздальского великого князя Андрея Боголюбского была ослеплена так, что воины, во мраке ничего не выдавшие, *поражали друг друга*. <...> Второе нападение или вопрос заключается в том, для чего в упоминаемой песне Языкова язык не XII столетия, а нынешнего времени? <...> Я бы на сей вопрос коротко и ясно заключил словами велеречивого Тредьяковского, что язык славянский тяжело ныне слышится ушам нашим. И подлинно, в наше время никто не станет читать стихов, написанных языком XII столетия»³¹. Упомянув «Новгородскую песню», Хвостов намекает, что молодому поэту, уже обратившемуся к отечественной истории, теперь следует воспеть монархов и недавние победы Суворова. Призывает он Языкова проявить себя и в драматургии.

В архиве Хвостова сохранились копии языковского послания³² и первых строк его ответа молодому поэту³³. В оглавлении рукописной книги, в которой они помещены, имеется пометка

³¹ ИРЛИ. Ф. 322. Ед. хр. 31. Л. 34 об.–35. К своему замечанию Хвостов позднее оставил следующее примечание: «Сочинитель Песни новгородцев есть тот самый г. Языков, который в 1827 году требовал у меня стихами классического совета. И удостоил прекрасным посланием. Пользуясь сим случаем, я в ответе моем пишу *Новграда Бард* и проч.» (Там же. Л. 34 об.). Обратим внимание, что в хронологически последней публикации ответа Языкову Хвостовым исключено упоминание о «Новгородской песне».

³² Там же. Ед. хр. 32. Л. 34 об.–35 об.

³³ Там же. Л. 36. Здесь ответ Хвостова имеет некоторое отличие от приведенных печатных вариантов:

графа: «Сие прекрасней<шее> стихотворение заслужило мне великую похвалу. Многие приятели говорили, что я мастер обращать неверных и раскольников на путь истинны<й>»³⁴. Действительно, Хвостов разослал отдельное издание своего поэтического диалога с Языковым знакомым литераторам, ожидая их реакции. Так, в письме к А.Е. Измайлову от 18 октября 1827 г. Хвостов с гордостью замечает: «Не отриньте желания семидесятилетнего старца, который просит Вас прочесть прилагаемую любопытную переписку в стихах романтика и классика, и сообщить многия о сем чудесном явлении в литературе»³⁵.

Один из корреспондентов графа — генерал, герой 1812 г., поэт А.А. Волков в письме от 5 октября отвечал ему: «Вы выиграли самую трудную победу: Вы обратили к православию раскольника, т. е. романтика, каким был г. Языков. Честь и слава прекрасному таланту Вашему! Такая победа при нынешнем греховном направлении словесности — есть торжество всех благомыслящих людей! Дай Бог, чтоб и впредь сие чаще случалось! И мы тогда, хотя в шутку, будем припевать: нашего полку прибыло, прибыло»³⁶. В ответном письме к Волкову от 13 октября 1827 г. Хвостов признавался: «Вы одни угадали, со мною вместе, что я принимаю послание Языкова за обращение *раскольника*. Вот и причина, по коей кроме журнала, оба послания я, слив, печатаю в одну книжку, которую у сего посылаю. Если бы Языков к похвале моей не примешал (положим, что иронически — *Ironiquement*) толка своего о романтике, я мой ответ совсем бы иначе расположил; как бы то ни было, не имея удовольствия

Пускай летал, иль только лазил

Я без удачи на Парнас;

Коль зависти лукавой глаз

Моей поэзии не сглазил,

За ласковой отзыв тебе

Питомец муз я благодарен,

Услышь классической совет,

Которой право не коварен

О! слава! Суета сует. И проч...

³⁴ Там же. Л. 2 об.

³⁵ Там же. Л. 53–53 об.

³⁶ Там же. Л. 48 об.–49. Здесь находится копия фрагмента письма со следующей аннотацией в оглавлении рукописной книги: «Выписка из письма Волкова о поэте Языкове — раскольнике. Необходимо нужное в записках о словесности» (Там же. Л. 2 об.).

и в лицо знать дерптского поэта, я ему очень благодарен, и посылая мой ответ стихами в рукописи, при весьма ласковом письме»³⁷.

16 октября 1827 г. Хвостов обратился к генералу П.А. Кикину, участнику «Беседы любителей русского слова», двоюродному дяде Языкова, с письмом, в котором замечал: «Сей богатый талантами молодой человек, не будучи мне знаком и даже в лицо, удостоил меня недавно посланием, в котором просил у меня классического совета, присовокупя обещание отстать от буйной шайки романтиков. Прекрасное послание юного наперсника муз, блистательными стихами написанное, Вы сами признаетесь, что находка для семидесятилетнего поэта, которого публика не читает и не знает по невниманию к произведению изящных искусств, а иные — без толку бранят и гонят, за то, что Певец Кубры (то есть я) вооружается на романтиков, которые не довольны, что испортили в словесности вкус и язык, портят нравы, вселяя в мысли и сердца безначалие и разврат. Я романтиков не люблю, и охотно дал Языкову совет, который, как и в стихах мною сказано, самой простой и чистосердечной. Вы, любя все полезное и изящное, одобрите мой совет Языкову: лирик должен быть благодетель, любить свое отечество и выставлять примеры знаменитые. Он должен петь Екатерину, Суворова или подобных им. <...> Цель благодетельства и превосходство в артисте — вот что составляет венец славы каждого поэта и художника. Я для того напечатанные в журнале Славянин стихи Языкова и мои напечатал особливую книжкою вместе и у сего к Вам несколько экземпляров посылаю. Вопрос Языкова мне слишком лестен, а мой ответ, кажется, справедлив»³⁸. Несмотря на столь горькое признание, граф не скрывает, что тронут вниманием «юного наперсника муз». Для Хвостова-классика обращение к нему романтика с просьбой поэтического совета предоставляло возможность отреагировать на брань и гонения других представителей новой школы. В целом относясь критически к происходящим в словесности изменениям, но, тем не менее, принимая их как неизбежные, Хвостов мог своим ответом публично заявить о лояльном отношении к романтическому течению.

Представляет интерес письмо к Хвостову профессора Дерптского университета В.М. Перевощикова от 29 октября 1827 г., где последний дает следующую характеристику языковского творчества: «Я имел честь получить письмо Ваше и при нем послания Ваше и г. Языкова. Он неоспоримо имеет пиитическое дарование, но слишком

³⁷ Там же. Л. 47. С пометой: «Для записок <о> словесности» (Там же. Л. 2 об.).

³⁸ Там же. Л. 50–51.

увлекается модным вкусом, как и Вы изволили заметить. Впрочем, он еще молод, пишет более по памяти, в подражание другим. Со временем, с большими знаниями и природы, и людей, и искусства, вероятно, вступит на лучшую дорогу. Да послушается он Ваших советов»³⁹.

Московские знакомые графа также не остались в стороне. 1 ноября 1827 г. Хвостову ответил М.Н. Макаров: «Присланные вами стихотворения, говорю о *Посланиях*, доставили мне весьма добрую минуту. Языков-певец приятный, *шалльная его муза вольничает*, но вольничает не по-цыгански, не *по-разбойничьи*, а весьма благородно? Ваш ответ ему (Языкову) без лести, очень хорош и *советодателя* любить должно: *Певец-старик глубоких лет умеет влечь к себе сердца!*»⁴⁰. И.А. Щедрицкий писал Хвостову 9 ноября 1827 г.: «Послание к Вам, сиятельный граф, г-на Языкова и ответ Ваш к нему — прекрасны. Кто же, как не Вы, старейший член нашего Парнаса, постоянно идущий верным путем древних, может дать классический совет шальной и недостойной богов музе, скитающейся у берегов кастальских. Кому приличнее, как не Вам, маститому певцу, вразумить сына вольного безделья, поэта-удальца, следующими словами: “Певец постигни цель искусства”. <...> Какой высокий и мудрый совет, достойный небесной дщери поэзии и земного любимца ее! Сии стихи должны быть ключом к Вашим сочинениям и эпитафией похвального Вам слова: ибо с сей точки возвышенной надобно рассматривать дела и труды; достигая сей цели, писатель становится бессмертным, гражданином всех веков и всех народов!»⁴¹ Еще один знакомый графа П.И. Лялин писал ему 13 ноября 1827 г. из Калуги: «Послание к Вам Языкова прекрасно, но не столько по стихам, как по принятому им намерению отказаться от цели романтизма, к чему его, конечно, принудили блистательные успехи очаровательной классической музыки Вашей»⁴².

Находящемуся на лечении в Одессе Н.И. Гнедичу Хвостов сообщал 21 ноября 1827 г.: «Я на 71 году от роду являюсь на Невском тротуаре, посещаю спектакли и даже иногда рифмоплетствую, почему прилагаю Вам печатную мою переписку с одним молодым поэтом. Николай Михайлович Языков, которого я не имею удовольствия знать ниже в лицо, сделал мне честь прекрасными и затейливыми стихами:

³⁹ Там же. Ед. хр. 74. Л. 176. К письму граф сделал приписку: «Перевощиков хорошо постиг Языкова и письмо сие в записки о словесности».

⁴⁰ Там же. Л. 53 об. – 54.

⁴¹ Там же. Л. 120 об. – 121.

⁴² Там же. Л. 145 об.

вызвал на поединок, прося *классического* совета. Мое дело было и чувствовать, и сказать, что Гомер, Вергилий, Расин и подобные им всех веков и земель поэты не ласкали той музы, которая вольничает и пишет только для получения скляночки от ноющих зубов или для хитросплетенного кошелька. Вы знаете, что я никогда этих правил не держался и, следственно, не счел за нужное выкупить лестные мне отзвывы поэта Языкова похвалою романтической школы»⁴³.

Наступает годовой перерыв в общении романтика и классика. Поводом для его возобновления становится третье по счету Полное собрание стихотворений Хвостова. 30 августа 1828 г. он отправляет Языкову первый том нового издания⁴⁴ вместе с сопроводительным письмом:

Милостивый Государь мой
Николай Михайлович!

Долгом себе поставляю свидетельствовать снова мою благодарность, знаменитому превозносителю моему, но превозносителю в стихах, а не в прозе. Я уже прошедшего года имел честь благодарить Вас за прекрасное Ваше ко мне послание, напечатанное в Славянине; но хотя доселе лишаюсь удовольствия и лично вас знать и получать Ваши письма, я прилагаю у сего 1-й том моего полного последнего издания. Примите его благосклонно и верьте почтению, с которым есмь и буду

Ваш Милостивый Государь мой
покорный слуга
Граф Хвостов.

30-е августа
1828 года⁴⁵.

Получив подарок, Языков пишет 20 сентября 1828 г. брату Петру: «Хвостов печатает новое издание всех своих стихотворений, прислал мне первую часть; я уже не рад, что с ним связался — надоест, окаянной!» [16, с. 371].

Затем следует еще одна годичная пауза в общении. 20 августа 1829 г. Хвостов посылает Языкову второй и третий тома Полного собрания⁴⁶. Чувствуя утрату внимания к себе со стороны молодого поэта, граф с сожалением пеняет ему:

⁴³ Там же. Ед. хр. 32. Л. 67 об.–68.

⁴⁴ [19, т. 1]: Лирические стихотворения. СПб., 1828. Цензурное разрешение получено 17 января 1828 г.

⁴⁵ ИРЛИ. Ф. 348. Ед. хр. 19. 4. 87. Л. 5.

⁴⁶ [19, т. 2]: Стихотворения о разных предметах. СПб., 1829. Цензурное разрешение от 18 марта 1829 г. [19, т. 3]: Послания к разным лицам. СПб., 1829. Цензурное разрешение от 16 октября 1828 г.

Милостивый Государь мой
Николай Михайлович!

Проситель у меня классического совета не удостоил доселе ниже строчку прозы и приметно не хотел хотя заочно со мною познакомиться. Я все-таки себе долгом почитаю, препроводя к Вам в свое время 1-й том моего издания, препроводить 2-й и 3-й томы, недавно вышедшие. Удостоите их принять благосклонно и верьте, что есмь и буду с истинным почтением

Ваш Милостивый Государь мой
покорный слуга
Граф Хвостов.

20 августа 1829⁴⁷.

Хвостов, не зная точного местонахождения Языкова, адресует корреспонденцию для него через М.П. Погодина и знакомых издателей. Поэтому не удивительно, что хвостовские письма, которые непременно сопровождали вновь выходявшие из печати произведения старого поэта, Языков мог получать с задержкой. Хвостов пишет, регулярно посылая свои книги, а молодой собрат по перу молчит; наконец, после получения от Хвостова второго и третьего томов, Языков впервые отвечает ему, адресуя следующее письмо:

Милостивый Государь
Граф Дмитрий Иванович!

Получив через Г-на Аладьина прекрасный подарок ваш, я спешу принести вашему Сиятельству мою чувствительнейшую благодарность — *прозою*; стихотворный же ответ предоставил я довести до сведения Вашего Сиятельства, посредством Московского Вестника, Г-ну Погодину: пусть же Белокаменная узнает прежде всех — классическое мое уважение к певцу Кубры!

Усердно поздравляю вас с появлением Илиады⁴⁸, наконец мы сподобились на собственном своем языке причаститься великих таин Поэзии Эллинской! Слава Мужу, совершившему сей подвиг бессмертный. Что предпринимаете Вы на поприще литературы — и что замышляют сподвижники ваши на петроградском Парнасе?..

⁴⁷ ИРЛИ. Ф. 348. Ед. хр. 19. 4. 87. Л. 3.

⁴⁸ Илиада Гомера, переведенная Н. Гнедичем. СПб., 1829. Хвостов не разделял восторга Языкова и критически относился к переводческому труду Гнедича, замечая: «Перевод, конечно, хорош. Знаатоки греческого языка утверждают, что ближе к подлиннику, чем Кострова, что первое достоинство; но, по мнению моему, полета стихотворного менее, чем у пьяного, доброго и почтенного Ермила, при том не чистоты тьма. Похвалиться собою, летел и полетел рифмы и пр. пр.» [8, с. 378–379].

С истинным уважением и совершенною преданностию имею честь быть вашего Сиятельства покорнейшим слугою Н. Языков⁴⁹.

Обратившись к старому графоману за советом, нарушив при этом традицию его возвеличивания, «Языков, — как пишет Ю.Н. Тынянов, — сам, вовлеченный в отношения с Хвостовым, оказался в ложном положении» [24, с. 305]. И Языков решает продолжить игру. Второе его послание к графу появилось в «Московском вестнике»:

Итак — мне новая награда
 От Музы доблестной твоей,
 Младых поэтов Петрограда
 Серебровласый Корифей!
 Ее с поклоном принимаю,
 Умею чувствовать ее;
 Но заслужил ли я, — не знаю —
 Неоставление твое?
 Какими подвигами славы
 На свете выказался я?
 Уж не стихами ль про забавы,
 Про удаль братского житья,
 Про негу дружбы вольнодумной,
 Про незабвенные края,
 Где пролетела шумно, шумно,
 Лихая молодость моя?
 Нет. Но зато, главою трезвой,
 На последях моей весны,
 От жизни праздничной и резвой
 Поникший в лоно тишины,
 Теперь, как сердца не тревожит
 Мне красота веселых дней, —
 Достоин буду, Бог поможет,
 Я благосклонности твоей.
 Ведь я недаром же оставил
 Потехи лени и гульбу,
 На свой обычай переправил
 Свою грядущую судьбу,
 И посвятил уединенью
 Мой возраст силы и трудов!

⁴⁹ ИРЛИ. Ф. 322. Ед. хр. 76. Л. 43–43 об. Это письмо, впервые публикуемое по подлиннику, является первым в ряду дошедших до нас писем Языкова к Хвостову, оно не содержит даты и написано в январе 1830 г. Ранее публиковалось по содержащей ошибки копии: [2, с. 91 (фрагмент); 15, с. 275 (полностью)].

От первых смысленных годов
Знаком и верен вдохновенью,
Лишь всемогуществу его
Обязан вольностью и счастьем,
И чистым, светлым сладострастьем
Ума и сердца моего, —
Его забуду ли я ныне?
Я ль, живо созданный собой,
В моей любви, в моей святине,
Раскаюсь зрелой душой?
Но признаюсь, я робким взором
Смотрю на будущность мою,
Хотя не вместе с буйным хором
Бескнижной сволочи пою;
Кого талант мой разобидел?
Кого мой стих оклеветал?
Какой невежда иль нахал
Меня торгующимся видел
На рынке браней и похвал?
Почто же страхом ожиданий
Грудь возмущается моя?
Уберегусь ли мирно я
От криводушных порицаний,
От пошлых козней и обид?
Мне ль предузнать: каким возгласом
Мои труды перед Парнасом
Его кричальщик возвестит?
Он чуден: карлу великаном,
Гетерой Музу, хмель дурманом
Во всеуслышанье зовет
Немилосердо-самовластный!
И кто противу, кто несчастный?
Ну, право, дрожь меня берет!
Ты Феба ревностный поклонник,
Его классический законник!
К тебе с надеждою моей,
С моей неопытною лирой,
К тебе, ужасному сатирой
Главам парнасских бобылей,
Прибегну я: грозою правой
Ты знаменито их пугнешь —

И пощадит меня их ложь
Твоей заступленного славой!⁵⁰

Молодой поэт насмешничает, ему и окружающим кажется, что Хвостов вовсе не чувствует комизма ситуации, в которой оказался. Однако, как явствует из приведенных нами писем графа, он уловил иронию еще в первом послании Языкова. Растроганный новым поэтическим обращением, Хвостов сомневается, что послание молодого поэта увидит свет в «Московском вестнике», и 31 января 1830 г. обращается с письмом к издателю журнала М.П. Погодину, приложив к нему копию письма Языкова, замечая: «Если по обстоятельствам или по какому-либо уважению не напечатаете их (стихи Языкова. — А.К.), то, сделайте милость, сообщите мне оные в рукописи. Мне приятно будет иметь сочинение отличного нашего поэта» [15, с. 275].

Прочитав новое послание Языкова, граф тотчас принимается за поэтический ответ и 10 февраля 1830 г. отправляет его молодому поэту при следующем письме:

Милостивый Государь мой
Николай Михайлович!

Я так обрадован был письмом Вашим в прозе, что получа оно, писал к Михайле Петровичу Погодину, чтобы он мне сообщил, хотя в рукописи, стихи Ваши ко мне; но, не дождавшись ответа на сие письмо, получаю третью книжку Московского Вестника, и в оной вижу незаслуженное мною от Вас весьма лестное внимание. Итак, Ваш *классический законник* спешит благодарить Вас вместе за оба письма и в прозе, и в стихах, а особливо за печатное, от которого истинно при старости я могу возгордиться. Вы меня балуете не только лестными и откровенными приветствиями, но редкими на Руси прекрасными стихами. Пишите, пишите, и Вы увидите, что совет мой Вам и прежде, и теперь тот же, и если меня послушаете, то за оный словесность наша мне будет благодарна. Я сообщил в копии письмо Ваше Н.И. Гнедичу, а стихи Ваши гремят уже по всему Петрограду. Еще Вам скажу с душевною откровенностию, что мне очень приятно, что Вы заметили во 2 моем томе послание к Питомцам Муз, тут нет (сохрани Боже) пасквиля, ниже сатиры, но если позволено писать (смотри альманах Подснежник, прошедшего году⁵¹), что передо мною, 70-тилетним Старцом, красавицы

⁵⁰ Языков <Н.М.> Графу Дмитрию Ивановичу Хвостову (при получении от Его Сиятельства трех первых томов полного собрания его творений) // Московский вестник. 1830. Ч. 1. № 3. С. 234–236; включено с небольшими изменениями в: [22, с. 244–247, с датой: «1829. С.<имбирск>»].

⁵¹ Хвостов подразумевает обращенное к нему пародическое послание неизвестного автора:

расстегивают банты, то для чего же и мне не молвить игриво, *что “забавляют Муз не площадные франты”*⁵². Я всегда говорил, думал и говорить буду, что Вы — поэт, и что Ваши стихи прекрасны, а особенно те, которые я читал, по предварению Вашему, в 3-й книжке Московского Вестника. Вы избрали корреспондентом Вашим достойного Погодина. Я тоже делаю. С сею почтою сообщаю ему стихи, мною Вам на образцовое Ваше послание написанные, и прошу его оные в журнале своем напечатать. Вы их увидите на обороте сего листочка. Прошу их принять благосклонно и верить, что я есмь и буду навсегда с истинным почтением

Ваш Милостивый Государь мой
покорный слуга
Граф Хвостов.

10 февраля 1830⁵³.

<на обороте:>

Вот ответ на Ваши стихи:

Певца Кубры почтил Языков похвалой;
Поэту мил привет от Музы молодой,
Которая, паря к вершине Геликона,
Не бросила стези Гомера и Марона.

Когда старик Анакреон
И новых лет седые франты,
Проказ любовных музыканты,
Вольтер, Державин, с ним же в тон
Красавиц тешили; их звон,
Как старомодные куранты,
На милых нагонял лишь сон.
С тобой дружнее Купидон
И на беду прелестным дан ты,
Счастливый Граф! Красой пленен,
Стихов ты сыплешь бриллианты:
И безотвязный Аполлон,
Сердец развязывая банты,
Несет тебе красавиц фанты.

(Графу Д.И. Хвостову, по случаю издания им нового своего стихотворения: Концерты в зале Д.Л. Нарышкина // Подснежник. СПб., 1829. С. 54). Имеется в виду отдельное издание: «Концерты в зале Д.Л. Нарышкина зимою 1828 года. Стихотворение Графа Хвостова» (СПб., 1829).

⁵² Хвостов намекает на следующие строки из четвертого послания своего «Совета юным питомцам Муз»:

Пусть Музы в праздники порой играют в *фанты*,
Их забавляет Феб, не площадные *франты*.

[19, т. 2, с. 189].

⁵³ ИРЛИ. Ф. 348. Ед. хр. 19. 4. 87. Л. 6–7.

Пускай певец Кубры давно то знает сам,
 Что он и с лирой лишь в реку забвенья канет;
 Потомства суд его невольно вспомняет,
 Поверяя огненным Языкова стихам⁵⁴.

В тот же день, 10 февраля, с просьбой о помещении своих стихов в «Московском вестнике» граф обращается к Погодину (см.: [15, с. 277–278]), который, не отказав Языкову в предоставлении поэтической трибуны, опубликовал в своем журнале и ответ Хвостова⁵⁵.

К следующему письму Языкову, датированному 5 мая 1830 г., граф приложил четвертый том своих сочинений и обещал представить пятый⁵⁶, содержащий стихотворения, написанные по выходе прежних изданий:

Свидетельствуя мою снова усерднейшею благодарность почтенному благодетелю моему Николаю Михайловичу Языкову, прилагаю мой четвертой том полного издания. Прошу оной принять благосклонно, а пятый — чрез посредство Михайла Петровича Погодина также Вам доставится не позже, как через две недели, то есть: около 20-го Маия. Он уже переплетается, и в Петербурге четвертой покажется вместе с пятым. В последнем Вы найдете два мой <так!> ответа стихами на прекрасные два ваши ко мне послания. Вы меня слишком балуете. Благодарю Вас за внимание, боюсь, заслужил ли приятные и лестные Ваши мне похвалы. Я уважаю всем сердцем истинно редкие ваши таланты, любите меня и будьте нашим Гомером. Я показывал знаменитому Гнедичу Ваше прозаическое ко мне письмо, коим он очень был доволен.

Ожидая на сие строчки в прозе, есмь и буду с истинным почтением

Ваш Милостивый Государь мой

Покорный Слуга

Граф Хвостов.

5-го Маия 1830-го⁵⁷.

⁵⁴ Там же Л. 7 об. Последние две строки очерчены слева и сопровождаются позднейшей записью карандашом неизвестной рукой: «Только Языкова стихи могли вызвать даже у графа Хвостова такие два стиха!».

⁵⁵ *Граф Хвостов*. В ответ Николаю Михайловичу Языкову на послание его стихами, напечатанное в 1-й книжке, М.В. 1830 года, в Феврале месяце // Московский вестник. 1830. Ч. 1. № 4. С. 434 (в заглавии описка, должно быть: «в 3-й книжке»). Первые две строки второго четверостишия в печатной редакции отличаются от тех, что привел Хвостов в письме к Языкову от 10 февраля 1830 г.: «Уже певец Кубры давно то знает сам, / Что если он когда и с лирой в Лету канет». Впоследствии стихотворение было включено Хвостовым в Полное собрание стихотворений: [19, т. 5, с. 259].

⁵⁶ [19, т. 4]: Басни и сказки. СПб., 1829. Цензурное разрешение от 12 декабря 1829 г. [19, т. 5]: СПб., 1830. Цензурное разрешение от 29 октября 1829 г.

⁵⁷ ИРЛИ. Ф. 348. Ед. хр. 19. 4. 87. Л. 8–8 об. Адрес рукой Хвостова: «Почтенному Николаю Михайловичу Языкову где обретается. От Графа Хвостова». (Там же. Л. 9 об.).

По-видимому, январское письмо Языкова к Хвостову, показанное Гнедичу, являлось на тот момент единственным эпистолярным обращением молодого поэта к графу, и поэтому было столь драгоценно для старца, который снял с него копии⁵⁸.

Между тем тома сочинений Хвостова выходят один за другим. Шестой том⁵⁹ граф посылает Языкову через Погодина, в письме к которому сообщает о прозвучавших в свой адрес добрых словах молодого поэта: «Александр Сергеевич Пушкин недавно сказывал мне, что Николай Михайлович всегда изъясняется на мой счет с особой благоклонностью, и князь Петр Иванович Шаликов пишет, что он, встретясь с *огненным нашим Поэтом* (Языковым. — А.К.) в доме Василия Львовича <Пушкина>, слышал от первого обо мне весьма приятные отзывы. Уверьте его, что я весьма чувствителен к столь лестному для меня вниманию» [15, с. 280]. В каждом письме к Языкову Хвостов превозносит его талант и выказывает свою благоклонность, что послужило поводом молодому поэту в письме к брату Петру от 18 ноября 1831 г. заметить: «Граф Хвостов написал стихи <...> под заглавием “Радостные в августе вести”⁶⁰! Заглавие-то гениальное! Он называет меня своим благодетелем» [10, с. 278].

18 января 1832 г. Хвостов отправляет Языкову следующее письмо:

Милостивый Государь мой
Николай Михайлович!

Я посылаю Вам мою старинную безделку, вновь перепечатанную; будьте к ней благоклонны. Я посылаю Вам сей парнасской гостинец единственно для того, чтобы напомнить о себе и, между прочим, сказать Вам, что Вы достигли назначения Вашего, и, как орел, взлетели на Геликон, чему я очень рад. Вы оправдали мое предчувствие. Я Вам советовал по воле Вашей несколько лет тому назад:

Напрасно время не губи
В обителях и муз и света
Советодателя люби.

⁵⁸ Из сохранившихся — одна была помещена рядом с подлинником (Там же. Ф. 322. Ед. хр. 76. Л. 44), другая — послана при письме графа к Погодину от 31 января 1830 г.

⁵⁹ [19, т. 6]: Переводы. СПб., 1830 г. Цензурное разрешение от 14 августа 1830 г.

⁶⁰ Языков имеет в виду отдельное издание: «Радостная в Августе весть. Стихотворение Графа Хвостова. 17-го Сентября 1831 года» (СПб., 1831) — отклик Хвостова на взятие Варшавы русскими войсками.

Вы исполнили сие, все отрывки Ваши в разных журналах и Северных цветах напечатанные⁶¹, доказывают Ваш мужественный талант и быстроту полета. На сих днях здешний Г. цензор Семенов показывал мне рукопись Вашу для его Альманаха присланную: вот статья истинно высокая, которая ставит Вас в ряд лучших лириков. К этой статье можно присовокупить и другие⁶². Верьте моему беспристрастию. Вы, как сами о том ко мне писали стихами в Славянине, Вы достигли славно до верхов Геликона и при том удостоили внять моему усердному совету:

Певец, постигни цель искусства,
Славь добродетели поток.

Вы теперь обладаете достоянием, Вам от природы данным. *Вы Поэт!* Языков сам собою, и уже не подражатель. Он имеет свою цель, свою душу и свой слог. Вот мое мнение, но старики болтливы и Вы не оскорбитесь, если я скажу Вам, как жителю в обителях муз и света снова, что в статьях Ваших к Свербеевой и в другой, *Ау*, я заметил, что Вы часто обращаетесь к *былому*, т. е. к прошедшему и старая привычка вырывает среди вдохновенного парения у Вас слова: *хмель*, *пьянство* и другие подобные, не свойственные настоящей Поэзии⁶³.

Извините мою нескромность, Почтенный любезный Николай Михайлович, я сие делаю, любя Вас и любя с почтением божественное искусство,

⁶¹ В «Северных цветах на 1832 год», изданных А.С. Пушкиным и О.М. Сомовым после смерти Дельвига, увидели свет языковские стихотворения: «А.А. Дельвигу (Там, где картинно обгибая...)», «Бессоница (Что мечты мои волнует...)», «И.В. К.<иреевскому> (Щеки нежно пурпуровы...)», «Им (Много вашими устами...)», «К<аролин>е К<арловн>е Я<ниш> (Вы, чьей душе во цвете лучших лет...)», «Песня (Он был поэт: беспечными глазами...)».

⁶² Цензор В.Н. Семенов готовил альманах, получивший цензурное разрешение 30 октября 1832 г. и вышедший под названием «Комета Белы, Альманах на 1833 год» (СПб., 1833), в котором были напечатаны стихотворения Языкова: «Деве (Поэта пламенных созданий...)», «Вино (Голосистая, живая...)», «Поэту (Когда с тобой сроднилось вдохновенье...)», «К *** <Е.А. Тимашевой> (Молодая ученица...)».

⁶³ Хвостов имеет в виду четверостишие из стихотворения «Катерине Александровне Свербеевой»:

Доселе пьяными мечтами
Студент кипеть не перестал –
И странны были бы пред вами
Вакхический напев и хмель его похвал.

(Европеец. 1832. № 1. С. 85. С изменением в стихе «Доньне пьяными мечтами» вошло в: [22, с. 254]). Надо полагать, что Хвостову также не понравилась строка «И пил да пел...я долго пил!» в стихотворении «Ау!» (Европеец. 1832. № 1. С. 86; затем включено в: [22, с. 303]). Любопытно отметить, что после выхода первого сборника языковских стихов, Пушкин, по свидетельству Н.В. Гоголя, упрекал автора в обратном: «Зачем он назвал их: Стихотворенья Языкова — их бы следовало назвать просто: хмель! Человек с обыкновенными силами ничего не сделает подобного; тут потребно буйство сил» [6, с. 387].

в котором Вы, нашего времени достохвальной Поэт, сын восторга, сын звучности и проповедник благородных чувств, столько успели!

Я Вас заклинаю на меня не сердиться отвечать мне на сие письмо, и верить, что с истинным почтением и душевною преданностью есмь и буду всегда

Ваш Милостивый Государь мой
Покорный Слуга
Граф Хвостов.

Прилагаю у сего мое последнее Сочинение в стихах, доселе еще ненапечатанное, к Знаменитому Пушкину. Я высоко ценю дарование сего Современника нашего; но послание мое ему, нимало не оскорбительное, доказывает только, что мы с одной точки зрения видели вещи. Я никогда не утаю о том, что постигаю и чувствую.

18 января
1832 года⁶⁴.

Данное письмо, впервые представленное нами полностью, важно по нескольким обстоятельствам. В своем обращении к молодому поэту, выдержанном в приподнятом тоне, граф, хотя и отзывается с похвалой о таланте Языкова, тем не менее, критикует его за присутствие в стихах лексики, недостойной высокой поэзии. Так было и ранее, когда внимание Хвостова привлекло стихотворение «Череп. (Послание к Д. <ельвигу>)», напечатанное в альманахе «Северные цветы на 1828 год» анонимно Пушкиным, скрывшим свое авторство за литерой «Я»⁶⁵. Первоначально полагая, что стихи принадлежат Языкову, но позднее усомнившись в этом, Хвостов оставил крайне негативное мнение о послании: «Дерптской поэт пишет прекрасные стихи, а это сочинение, если принять его, и даже в *мистическом* смысле никуда не годится. Что за связь; чтобы убедить современника нашего Дельвига, что он, упражняясь в стихотворстве, оскорбляет дедушку своего, давно умершего барона-рыцаря; на что этого дедушку описывать глупым гордецом, а всего непростительнее — на что семинаристов или студентов, напоя пьяными, отправить на кладбище, подкупить сторожа, вырыть дедушки поэта-барона остатки плотяные. Сделать из оногo скелет. Подвергнуть суду законов сторожа, погубить его, и сей скелет, когда

⁶⁴ ИРЛИ. Ф. 348. Ед. хр. 19. 4. 87. Л. 10–11. Список послания к Пушкину, приложенный Хвостовым к письму, сохранился в архиве Языкова (Там же. Ед. хр. 19. 4. 88). Относящийся к Пушкину фрагмент письма опубликован в: [21, с. 108].

⁶⁵ Я. <Пушкин А.С.> Череп. (Послание к Д.<ельвигу>) // Северные цветы на 1828 год. СПб., 1827. С. 100–107.

студент принужден был переселиться в другой город, продавать по частям. Заключу, что мне очень жаль, что Языков — сочинитель сего глупого, можно сказать, послания. Слышу достоверно, что не он, а кто-то другой напечатал под сочинением литеру Я, чтобы скрыть свое имя. Оно (сочинение. — А.К.) так непотребно, что если бы стихи были прекраснейшие, лучше виргилиевых, то и тогда бы не годились никому» [11, с. 81].

Под «старинной безделкой, вновь перепечатанной» граф имеет в виду отдельное переиздание своего послания М.П. Охлестышевой⁶⁶, которое было им разослано одновременно сразу нескольким адресатам, в том числе и Пушкину. В оглавлении рукописной книги с перепиской Хвостова за 1832 г. аннотируется несохранившийся лист с «четырьмя черновыми письмами при посылке стихов Охлестышевой»⁶⁷. А.Ю. Балакиным высказано предположение, что среди них имелось и письмо к Пушкину⁶⁸. Отправляя Языкову неопубликованное на тот момент свое послание к Пушкину⁶⁹, граф попутно характеризует его стихотворение «Клеветникам России»⁷⁰.

Не меньшее значение представляет и следующее письмо Хвостова. Оно позволяет достаточно точно установить время выхода в свет первого сборника стихотворений Языкова. 15 марта 1833 г., еще до официальных объявлений о продаже, книгу приобрел Хвостов⁷¹, о чем на следующий день сообщил молодому собрату по перу:

Милостивый Государь мой
Николай Михайлович.

Я вчерась до объявления в газетах подцепил в книжной лавке за пять рублей к особливому моему удовольствию и радости Новое собрание Стихотворений Ваших, и хотя недавно о себе сказал:

⁶⁶ Послание Марье Петровне Охлестышевой. Отправлено в Крестцы с Кубры 1825 года Августа 20-го дня. Сочинение Графа Хвостова. СПб., 1832.

⁶⁷ ИРЛИ. Ф. 322. Ед. хр. 78. Л. 2 об.

⁶⁸ См.: [1, с. 100–102] с локализацией хронологического отрезка получения Пушкиным записки графа и переиздания послания Охлестышевой: «1832, январь, после 19». Отправка этой же книги Языкову при письме от 18 января позволяет дополнительно уточнить время доставки ее и Пушкину.

⁶⁹ Впоследствии послание «А.С. Пушкину, члену Российской Академии, 1831 года, при случае чтения стихов его о клеветниках России» вошло в Полное собрание стихотворений графа: [19, т. 7, с. 99–102].

⁷⁰ См. о возникшем в данной связи общении Хвостова и Пушкина в: [1, с. 83–99].

⁷¹ [22]. Цензурное разрешение В.Н. Семенова получено 4 января 1833 г., 7 марта подписан билет на выпуск книги.

Судить, рядить писателей под масть,
И на вески умы Европы класть;
Подумайте, мое ли это дело?⁷²

Однако как старик, много Вас почитающий и чувствующий цену Ваших достоинств, скажу, что большая часть стихотворений моего Пламенного Поэта Языкова превосходны, мне особенно полюбились: Поэту, К А.А. Воейковой, Ручей, Тригорское, Моя родина, Гений, Вечер, К Нянюшке Поэта Пушкина и многие другие. Что же касается до двух прекраснейших посланий мне, по благосклонности Вашей приписанных, я не знаю, как за оные Вас благодарить. Мои скудные таланты в Божественном искусстве муз предзнаменуют забвение от потомства моей Музе, но теперь я уверен, что праправнучета <так!> вспомнят Певца Кубры не по его достоинствам, а по милости Вашей, что вы о нем говорили. Какая истина в послании ко мне. Стр. 246.

Кого талант мой разобидел?
Кого мой стих оклеветал?
Какой невежда иль нахал
Меня торгующимся видел
На рынке браней и похвал?⁷³

Вот стихи, вот Поэзия высокая, свидетельствующая чувства Поэта и отличные его дарования. Вы, Любезной Николай Михайлович — Поэт в пространстве слова, Поэт отличнейший. Поэт, каковых не много на земле. Блюдите высокой талант Ваш и любите Советодателя Вашего, осмелившегося некогда Вам подать *Классической Совет*. Прощайте. Верьте почтению, дружбе и удивлению Вам навсегда преданного

Покорного Слуги.
Граф Хвостов.

16-го марта 1833⁷⁴.

Еще 14 февраля 1833 г. в письме к В.Д. Комовскому — активному помощнику в издании своих стихотворений — Языков распорядился передать по экземпляру будущего сборника знакомым петербургским литераторам, в их числе Пушкину и Хвостову [9, с. 96], не предполагая, что последний приобретет книгу самостоятельно. Теперь нам известно, что Хвостов получил от Комовского предназначенный для него экземпляр

⁷² Хвостов приводит строки из своего послания к Жуковскому — «Сочинителю Сказки о царе Берендее».

⁷³ Хвостов цитирует второе языковское послание к себе по изданию стихотворений молодого поэта.

⁷⁴ ИРЛИ. Ф. 348. Ед. хр. 19. 4. 87. Л. 12–13. Адрес: «Его Высокоблагородию Милостивому Государю Николаю Михайловичу Языкову *где обретается*» (Там же. Л. 13 об.). Письмо к Языкову Хвостов отправил Погодину, вместе со своим письмом к последнему, датированным тем же днем — 16 марта (см.: [15, с. 286]), полагая, что Погодин перешлет Языкову предназначавшуюся ему корреспонденцию.

в период с 16 по 20 марта, и, вероятнее всего, в последний из этих дней⁷⁵. Об этом свидетельствует то нетерпение, с которым благодарный старец спешил сообщить Языкову о получении книги, отправляя ему 20-го числа сразу два письма. Первое из них:

Милостивый Государь мой,
Николай Михайлович!

Чистым сердцем благодарю вас за присылку на мое имя бесценного для русского гостинца, которым я любовался, когда он еще находился в типографии, то есть прекраснейших стихотворений ваших. Повторю, что вы поэт, и поэт отличный, вы уже возмужали, я на прошедшей неделе, купя ваши стихотворения, благодарил вас за общей словесности нашей подарок и письмо мое к вам вложил в пакет Г. Погодина, а теперь благодарю за напоминание обо мне присылкою на мое имя экземпляра. Ваше внимание мне всегда лестно, хвалюся дружбою вашею и кроме тех славных сочинений, коими вы обогатили словесность нашу и кою я именовал в письме моем к вам на прошедшей неделе. Прошу потешить старика и написать, что-нибудь историческое, последуйте моему прежнему совету:

Жрец Аонид пари по воле
Воспой премудрость на престоле.
Греми Екатерины меч.
Тогда чуждаяся Суворов
Обыкновенных разговоров,
Вещал на Альпах грома речь.

Виргилий, Тасс оставили о народах своих великое воспоминание позднешему потомству — вот чего старик глубоких лет от вас желает. Том, вами присланный, доказывает, что вы созрели: какое богатство чувств, мыслей и слов. Вам стоит только по *воле* избрать содержание, достойное вас, вы готовы, если полюбопытствуете знать обо мне: я еще пребываю, чтобы наслаждаться изящным. Почтенный М.П. Погодин покажет вам мои последние рукописные стихи к Жуковскому, также печатный Гимн Иисусу

⁷⁵ Данное обстоятельство позволяет уточнить время получения через Комовского «Стихотворений Н. Языкова» и Пушкиным. В «Летописи жизни и творчества А.С. Пушкина» (см.: [13, с. 42–43, 606]) этот факт был датирован серединой апреля, в «Хронике жизни и творчества А.С. Пушкина» (см.: [26, с. 64–65]) — временем около 21 марта 1833 г. Ныне мы можем полагать, что книга оказалась у Пушкина не позднее 20 марта.

Христу⁷⁶. Извините, что у меня сих стихотворений не случилось под руками, а я вам посылаю на обороте мою Комету. Прощайте.

Искренний почитатель и друг ваш
Граф Хвостов.

Марта 20 дня

1833 года.

С. Петербург⁷⁷.

<на следующем листе:>

К о м е т а

Стансы 1833-го года февраля 1-го.

Настойчивый искатель славы,
Забыв семейство и забавы,
Трудись и реки пота лей,
Коперник, Кеплер, Галилей
Трудитесь для неблагодарных,
Комета, радуя коварных,
Запишет, медля в небесах,
Галлея мудрого в лжецах.

* *

Жни лавр победы Велизарий!
Готова мзда — лишенье глаз.
Торжеств своих припомня час,
В болотах издыхает Марий.
Вожди! В боях вы прежде руль,
Теперь пред мира вихрем — нуль.

**

Кто страждет, друг Харит в темнице,
Кто новой лире образец?

⁷⁶ Хвостов приложил к письму Погодину от 16 марта отдельное издание «Гимн Иисусу Христу. 1832 года Ноября 24 дня. Стихотворение Графа Хвостова» (СПб., 1833) и список послания к Жуковскому — «Сочинителю Сказки о царе Берендее». Позднее это послание Хвостов переслал и И.И. Дмитриеву при письме от 14 июля 1833 г., в котором дал высокую оценку размеру, которым Жуковский написал сказку: «Я отроду гекзаметров не писал, а исповедаю, что, по мнению моему, гекзаметры Жуковского лучшие на русском языке» (ИРЛИ. Ф. 322. Ед. хр. 79. Л. 113).

⁷⁷ ИРЛИ. Ф. 348. Ед. хр. 19. 4. 87. Л. 14–14 об. Адрес: «Действительный Тайный Советник Сенатор Граф Хвостов просит покорно Московский Почтамт доставить сие верно немедля Господину Университета Профессору *Михайлу Петровичу Погодину*, которой сделает одолжение доставит сие Николаю Михайловичу Языкову в *Москве* или где обретается» (Там же. Л. 15 об.). Почтовый штемпель отправления: «С. Петербург. 21 март. 1833».

Не Тасс ли в Римской колеснице,
 Спеша похитить муз венец?
 Шаг в Капитолию заносит
 И смерть его у прага косит.

**

На волка пущен средь кустов,
 Орел взвился небес на рамо,
 Отголе он, как пуля, прямо,
 Слетя, схватил когтями лов;
 Провидец дух, объяв предметы,
 Речет: пророчу час Кометы⁷⁸.

Не надеясь, что письмо дойдет до адресата через Погодина, в тот же день граф пишет Языкову второе письмо:

Милостивый Государь мой
 Николай Михайлович!

Я точно сего числа уже отправил к Вам мое письмо в Москву чрез Михайла Петровича Погодина. Не зная, где вы находитесь, и дойдет ли оно к Вам (прошу его отыскать), пишу другое, чтобы Вас поблагодарить искренне в знак моего особого почтения за ваши редкие достоинства и за присылку на мое имя экземпляра Ваших Стихотворений. Сей гостинец мне не оцененен. Спасибо, что истинный поэт вспомнил старика. Стихотворения Ваши печатались здесь, и я оные имел до выхода за неделю. Удивлялся, как всегда, высокому дарованию Вашему, благодарил вас за напечатание двух ко мне посланий и много, много говорил о статьях Ваших: мне доселе неизвестных, в письме, которое сего дня послал чрез Погодина. Отыщите оно, а я в тот же день пишу к Вам в г. Курсунь, где, сказали мне, что вы обретаетесь. Симбирская губерния славится поэтами: Вы, Карамзин, Дмитриев. Не смею приобщить себя, помещика Села *Талызина* Ардатовского уезда на большой московской дороге. Прощайте Батюшка. Верьте дружбе и почтению почти 80-тилетнего Старца

Графа Хвостова.

Другое письмо в один день
 20 марта 1833 года.⁷⁹

⁷⁸ Там же. Л. 15. Опубликовано в: [19, т. 7, с. 169–170]. Печатный вариант концовки стихотворения читается иначе:

Провидец-дух, прозря предметы,
 Речет: пророчу восход Кометы.

Стихотворение навеяно повестью Погодина «Галлеева комета», которая открывала «Комету Белы, Альманах на 1833 год».

⁷⁹ ИРЛИ. Ф. 348. Ед. хр. 19. 4. 87. Л. 16–16 об. Адрес: «Действительный Тайный Советник Сенатор Граф Хвостов покорно просит Симбирской губернии Г. Курсуна

Получив все три мартовские эпистолярные обращения графа, Языков отвечает Хвостову, который для своего архива аннотировал его письмо так: «Поэта Языкова от 21-го апреля о получении моих писем, благодарность за отзыв о его стихотворениях и обещание последовать классическому совету»⁸⁰.

Милостивый Государь,
Граф Дмитрий Иванович!

Не знаю, как благодарить вас за благосклонность, которую Вы оказываете моей молодой Музе столь постоянно и столь искренно. На сих днях получил я три письма ваши и ваш новый подарок Русскому Парнасу. Умею ценить и чувствовать похвалу вашу: она мне дорога и лестна, точно так же, как похвала заслуженного Генерала солдату, бывшему впервые на сражении. Принимаю к сердцу и ваш классический совет; но еще не решаюсь на подвиг, требующий Мужа!

Читаю ваш Гимн Иисусу Христу и послание к В.А. Жуковскому: струны вашей лиры не истерлись и не расстроились от долгого употребления: даже оне золотые и настроены мастером. В первом из вышепоименованных стихотворений мне особенно понравились строфы вторая и последняя, позвольте выписать их как одну:

Владыко мощныя Державы,
Победами гремящий Царь,
Приносит часто жертвы⁸¹ славы
На милосердия алтарь.
Велик, когда слезу вдовицы
Отрет ометом багряницы;
Закона грозный Приговор
Душою кроткою смягчает
И на Преступных обращает
Чадолубивый, тихий взор.

Послание к сочинителю сказки о Царе Берендее — все вообще Прелестно⁸². Предание о болоте Берендеевом — достойно подробного исследования.

Г. почт-мейстера доставить сие немедленно в поместье по сей надписи Его Благородию Милостивому Государю моему Николаю Михайловичу Языкову *в Корсуне* (Там же. Л. 17 об.). Почтовый штемпель отправления: «С. Петербург. 21 март. 1833».

⁸⁰ Там же. Ф. 322. Ед. хр. 79. Л. 2 об.

⁸¹ У Хвостова: «жертву» [19, т. 7, с. 8].

⁸² Ср. с мнением Языкова о сочинениях Жуковского в письме к братьям от 4 ноября 1831 г.: поэт «рассказал стихами некоторые русские сказки: прелесть!» [10, с. 276]. В другом письме, от 26 марта 1833 г. к брату Александру, отзываясь об альманахе «Новоселье», Языков особо выделяет «Сказку о царе Берендее» [10, с. 287].

С истинным уважением и совершенною
преданностию, честь имею быть
вашего Сиятельства
покорнейший
Н. Языков.

1833. Апреля 21⁸³.

В приведенной Языковым строфе из «Гимна Иисусу Христу» говорится о Высочайшем Манифесте об уменьшении срока осужденным на каторгу, последовавшем при рождении в 1832 г. великого князя Михаила Николаевича. Внимание Языкова к «Гимну» подкреплялось наметившимся его интересом в этот период творчества к религиозной тематике. Стоит сказать, что ответ молодого поэта не был лишь учтивой благодарностью за присланные сочинения, как например, поступал некогда литературный противник Хвостова, а впоследствии регулярный корреспондент — И.И. Дмитриев, едва ли заглядывавший в книги графомана и отвечавший ему стандартными фразами о том, что новые сочинения не уступают прежним⁸⁴.

В письме к брату Александру от 22 апреля 1833 г. Языков сообщает, что послал Хвостову издание своих стихотворений, и передаст его ответную реакцию: «Г<граф> Хвостов чрезвычайно сильно принял к сердцу мой подарок: по сему случаю написал он ко мне три письма в три дня и возносит меня похвалами самыми торжественными и пышными» [10, с. 288]. Действительно, благодаря Языкова за подарок, Хвостов отвечает ему в приподнятом духе:

Милостивый Государь мой
Николай Михайлович.

Благодарю усердно и много за почтенное ваше от 21-го Апреля письмо, и очень рад, что вы приняли к сердцу мой Классической Совет. Исполните его, оставьте памятник Парнасу Нашему, достойный вас и отечеству. На подвиг сей вызывает знаменитого поэта не один я, но все русские музы и любители их. Еще благодарю вас за лестные Ваши отзывы о моих последних стихах. Куплет, вами выписанный, мне самому очень нравится, а что касается до послания моего к Жуковскому, то это приятная шутка. Слава Богу, что оно попало в цель, т. е. вам и многим полюбилось. До последней минуты жизни моей, я не перестану вас почитать и любить, и для того прилагаю Вам на суд мое последнее творение в рукописи. При зиме лет моих, я пою весну, и не знаю, отчего нынешняя весна, как и предыдущие, ободри-

⁸³ ИРЛИ. Ф. 322. Ед. хр. 79. Л. 85–86.

⁸⁴ См. об этом: [4].

ла, укрепя физические мои, умственные силы. *Я пою дом правды, дом суда.* Это новое богатое здание для Сената и Синода, в которое надеемся перейти в конце Августа, а после того куплет, где я представляю Преобразителя, т. е. Петра Великого, *под кровом Пышным Царским*, есть Новая Галерея в Зимнем дворце, в которой *Государь намерен поместить в рост Портреты Русских Полководцев, присоединивших к своим именам имена мест, прославленных их подвигами.* История наша от самой древности до наших времен не богата проименованиями. Вот они: *Донской, Невской*, князь Меншиков *Ижорский*, Румянцов *Задунайский*, Орлов *Чесминский* <так!>, князь Долгоруков *Крымский*, кн. Потемкин *Таврический*, кн. *Италийский*, кн. Кутузов *Смоленский*, граф Дибич *Забалканский*, и последний князь *Варшавский*, вот вам и все, примолвя, что о болоте Берендеевском некоторые замечания мною в прозе сообщены для напечатания лет 7-и тому назад в Московское Историческое общество. Не худо, если бы Г. Строев⁸⁵ или другой кто Археолог, проехав мою Кубру по большой дороге от Москвы до Переславы, завернул на Царственное болото, т. е. Берендеево, в 10-ти верстах при Селе Петровском Макарова от нынешнего города Переславы Залесского⁸⁶. Не переставайте меня любить, писать ко мне в досужное время и верить, что с истинным почтением всегда буду

Ваш Милостивый Государь мой

Покорный Слуга
Граф Хвостов.

15-го Апреля 1833⁸⁷.

Хвостов знакомит Языкова со своим еще не опубликованным в тот момент стихотворением «Весна 1833 года», в котором восклицает:

Весна! И старость обновилась
Веселым чувством юных лет,
Вселенна солнцем озарилась,
Горит восторгами поэт.
[19, т. 7, с. 63].

⁸⁵ Русский историк и археограф.

⁸⁶ В примечании к посланию «Сочинителю Сказки о царе Берендее» Хвостов пишет: «Помещик села Петровского покойный Николай Петрович Макаров, осушая болото Берендеево, ему принадлежащее, нашел признаки древнего города или селения, где открыл будто обломки деревянной мостовой, груды камней, городской земляной вал и расположение улиц» [19, т. 7, с. 264].

⁸⁷ ИРЛИ. Ф. 348. Ед. хр. 19. 4. 87. Л. 18–19. Дата на письме: «15 апреля» — ошибочна. Из контекста следует, что Хвостов отвечает на письмо Языкова от 21 апреля.

Постоянно упоминая о собственном почтенном возрасте, граф всячески подчеркивает, что еще полон сил и творчески состоятелен. Языковское письмо от 21 апреля Хвостов получил через Комовского, и через него же передал свой ответ вместе со стихами. Последний в письме к Языкову, датированном, при его публикации, июнем 1833 г., описывал это так: «Письмо к Гр. Хвостову хотелось мне лично вручить Его Сиятельству; однако я не застал его дома и был принужден верить сие дело кому-то из прислужников серебрявласого пугала парнасских бобылей. Вследствие сего имел удовольствие получить от Его Сиятельства милостивое послание. Прилагаю оное для вашей забавы, адрес и содержание — все оригинально, все необыкновенно. Для полноты характеризования нашего поэта и его особенностей не должно пропустить и того, что вместе с письмом посланец вручил мне от Его Сиятельства гривну серебром — на почтовые издержки» [9, с. 103]. В ответ Языков писал Комовскому 10 июня: «Напрасно вы не распечатали письма графа Хвостова, которое чрез вас ко мне доставлялось: оно очень любопытно, да к нему же приложено и стихотворение Певца Кубры: Весна. Советую вам обходиться впредь смелее с подобными парнасскими бумагами» [9, с. 104]. Можно заключить, что Языков воспринимал и эпистолярные обращения Хвостова как своего рода литературные произведения, представлявшие не меньший интерес, чем его сочинения, и не делал из этого тайны. Создается впечатление, что и переписка с графом представляла для Языкова своеобразное продолжение игры, начавшейся когда-то стихотворным диалогом.

В следующем письме от 4 июля 1833 г. Хвостов сообщает Языкову о приезде в Петербург И.И. Дмитриева и своих стихах, написанных по этому случаю:

Милостивый Государь мой
Николай Михайлович.

Я имел удовольствие благодарить вас за последнее письмо ваше и за лестные ваши отзывы о моем Гимне И. Христу и о рукописи Сочинителя сказки о Берендее. Мне истинное удовольствие составляет переписка с вами, и я вам скажу, что нынешняя весна была мне очень благодатна, и я написал стихи на 2-ю выставку Русских изделий, которые напечатаны⁸⁸, и кажется, что их я к вам послал, а если нет, то извините, я теперь не имею ни одного экземпляра: 500 эк.<земпляро>в подарены Министерству финансов для раздачи фабрикантам, и вы их там прочитаете можете; а я посылаю

⁸⁸ Имеется в виду издание: «По случаю второй Выставки Российских изделий в Санкт-Петербурге 1833 года. Стихотворение Графа Хвостова» (СПб., 1833).

в рукописи сии стихи так, как они будут напечатаны в VII-м томе моего издания, который вам доставится сего года не позже Декабря месяца. Без всякого предварения, к совершенному удовольствию моему, при моей глубокой старости, я обрадован приездом сюда Ивана Ивановича Дмитриева, пятидесятилетнего моего знакомого и помещика Симбирского, который вас очень любит и почитает как знаменитого Поэта. Мы почти вседневно с ним видимся и часто говорим о вас. Вот прочтите стихи, которые я на его приезд сделал. Он, их слушая, прослезился. Остроумец, Князь Вяземский, их очень хвалит, и говорит, что они писаны с чувством; также многие другие. В прошедшую Субботу, в присутствии Дмитриева, они читаны были в Российской Академии; очень понравились, и положено их напечатать⁸⁹. Я совершенно буду доволен, если они полюбятся вам, покровителю моей дряхлой Музы, и ожидаю вашего мнения и замечания. Удостойте оными почитателя вашего образцового таланта. Дмитриев отселе пробирается в Дерпт, посетить Катерину Андреевну Карамзину; Дерпт — место вашего пребывания, и мне за то он очень мил. Отыщите мою посылку при сем письме под лит. А, ибо, по строгости почты в ней особливо вложены стихи печатные и проза.

Верьте искренней дружбе и почтению, с которыми есть и буду ваш
Милостивый Государь мой,
Покорный слуга
Граф Хвостов.

1833.

4 июля⁹⁰.

Ответное письмо Языкова сохранилось в архиве Хвостова в писарской копии. В оглавлении рукописной книги, в которую она помещена, дается такая аннотация: «Письмо Николая Михайловича Языкова о памятнике Карамзину»⁹¹.

⁸⁹ Послание к Дмитриеву было опубликовано в «Дамском журнале» (1833. Ч. 44. №. 44. С. 68–69) под заглавием: «Свидание с почтенным другом, Иваном Ивановичем Дмитриевым, в С.-Петербурге, 1833 года Июня 9», а затем включено в собрание стихотворений Хвостова [19, т. 7, с. 124–126].

⁹⁰ ИРЛИ. Ф. 348. Ед. хр. 19. 4. 87. Л. 20–20 об. Адрес: «Действительный Тайный Советник Сенатор Граф Дмитрий Иванович Хвостов покорно просит Г. Губернского Симбирского почт-мейстера доставить сие письма <так!> в уездной город Корсунь или где находится Его Благородию Николаю Михайловичу Языкову. При сем письме посылка в холсте с печатными и рукописными стихами под лит. А. в Симбирске» (Там же. Л. 21 об.). Почтовый штемпель о получении письма: «Симбирск. 1833. Июл: 17».

⁹¹ Там же. Ф. 322. Ед. хр. 79. Л. 4 об.

Милостивый Государь,
Граф Дмитрий Иванович!

Три стихотворения ваши я имел удовольствие получить. Чувствительнейше благодарю вас за сей приятный подарок нашей Литературе; мне нравится более прочих Свидание; я совершенно согласен с князем Вяземским, что в оном много чувства. Что же касается до стихотворения по случаю выставки, то оно исполнено лиризма, свойственного вашей Музе; вопреки мнению известного Петербургского Критика Н.И. Греча, стихи:

От древности славна победами Россия,
Низвергнула она владычество Батия,
Европу целую мечом своим спасла,
Сугубя подвиги, великие дела.
Свидетельствуют в мир врагам от Россов раны:
Священный Арарат и Альпы и Балканы,
Что мужественный Росс далеких стран в краях
Цареву славу вняв, все покорял в боях.

кажутся мне лучшими тех, кои выставлены в Северной пчеле: (№162)⁹² здесь-то поэт,

Еще лучей не чуждый света,

воспламеняется

И вновь восторгом чистым дышит
И вновь по чувству сердца пишет⁹³.

Вам уже известно, что

Владыко мощная Державы
Победами гремящий Царь

высочайше позволил открыть подписку на сооружение памятника бессмертному Карамзину. Зачинщики сего похвального предприятия предполагают построить здание, в котором поместится публичная библиотека для чтения и будет незабвенного лице

Бессмертья видется в венце.

Вам

Младых поэтов Петрограда
Серебровласый Корифей!

следует и в сем деле воспользоваться обширным влиянием вашим на умы современников, открыть *особую подписку*, побудить к пожертвованию Синклит и Литераторов по парнасской службе вам подведомственных, и, таким образом, сильно способствовать подвигу, которым воздается должная

⁹² В № 162 «Северной пчелы» от 21 июля 1833 г. в разделе «Новые книги» был помещен анонс брошюры Хвостова «По случаю второй Выставки Российских изделий» с фрагментами стихотворения.

⁹³ Языков цитирует хвостовское послание, обращенное к Дмитриеву.

дань уважения Мужу, со славою подвизавшемуся на поприще русской словесности, столь пламенно вами любимой. Сбор идет здесь весьма успешно. Вы чрезвычайно меня обяжете, если соблагovolите известить о ходе сего дела у вас в Петрограде. Надеюсь, что ваша Лира...

С Глубочайшим почитанием и совершенною преданностию честь имею быть

Вашего Сиятельства
Покорнейший Слуга
Николай Языков.

31-го Сентября
1833 года⁹⁴.

Симбирское дворянство выступило с инициативой увековечить на родине Карамзина память о нем, установив памятник историографу. Гражданский губернатор Симбирска А.М. Загрязский 13 июня 1833 г. подал соответствующее прошение на имя императора, которое было удовлетворено. Был учрежден особый комитет по сооружению монумента. Из письма Языкова мы узнаем, что он принял деятельное участие в сборе пожертвований на памятник и, думается, обратился по этому поводу к почтенному старцу не случайно: граф, много сделавший для сбора средств на сооружение памятника Ломоносову в Архангельске, имел необходимый опыт и возможность привлечь крупных меценатов. Между тем Хвостов еще 21 июля внес личный вклад в размере 50 рублей, о чем 4 августа известил комитет, а 24 августа получил письменное уведомление предводителя дворянства Симбирской губернии князя М.П. Баратаева в том, что желание графа участвовать в сборе средств «будет с удовольствием исполнено комитетом при составлении общих гг. пожертвователям списков»⁹⁵. Открытие памятника надолго задержится и произойдет только 23 августа 1845 г. Языков откликнется на столь значимое событие стихотворением «На объявление памятника историографу Н.М. Карамзину», которое вызовет критику Белинского и поддержку Погодина и славянофилов.

Граф не замедлил с ответом на полученное от Языкова письмо:

Милостивый Государь мой
Николай Михайлович!

⁹⁴ ИРЛИ. Ф. 322. Ед. хр. 79. Л. 184–185 об. В дате письма явная описка. Вероятнее всего, оно написано 31 августа или 1 сентября 1833 г. Дата уточняется по ответному письму Хвостова от 23 сентября.

⁹⁵ Там же. Л. 149–149 об.

Получа почтенное письмо ваше, в котором единственно по благосклонности вашей столь лестно отзываетесь о моих стихотворениях, я не знаю, как мне благодарить за дружбу вашу вас, знаменитого моего современника. Свидание мое с известным баснописцем вам полюбилось. Я сам тоже о сем Стихотворении думаю, и если бы при конце жизни моей Музы доставили мне случай воспеть мое Свидание с Вами, тогда уверен, чтобы все про меня сказали, что стихи мои пишутся по чувству сердца. Конечно, стихи на выставку, о коих вы в вашем письме упоминаете гораздо лучше тех, кои много именитый Г. Греч огласил в Северной пчеле. Благодарю за честь, которую вы мне сделали относительно подписи на памятник Незабвенного Карамзина; но, увы!

Забывтый Музами поэт

не приемлет на себя и не надеется убаять наших Молодых Муз на какое-либо пожертвование, особливо денежное.

Младых Поэтов Петрограда

Серебровласый Корифей

глухим проповедывать не будет. Вы одни ко мне только милостивы, а кроме вас ни один журнал и ничьи уста ниже пикнуть, что я еще в живых и брожу на подошвах Парнаса более 50-ти лет. Что же касается до подписки на памятник бессмертному Карамзину, я не нахожу ни вам, ни мне надобности прибегать к новой подписке: это дело и без нашего посредства кончится благополучно. У вас подписка идет хорошо, а у нас еще лучше. Российско-Императорская Академия жертвует на сооружение памятника Историографу *пять* тысяч рублей.

Владыко мощная Державы

Победами гремящий Царь

на таковое наше пожертвование на сих днях соизволяет. Итак, изволите увидеть, что недостатка в деньгах на памятник Карамзину не будет.

Закрываю сие длинное письмо желанием чаще от вас получать столько мне приятные грамотки. Прошу Вас, моего лавроносного поэта, любите меня и верьте, что я, доколе жив, пребуду с истинным почтением и преданностию

Ваш Милостивый Государь мой

Покорный слуга

Граф Хвостов.

Г. С. Петербург

1833 года

Сентября 23 дня⁹⁶.

⁹⁶ ИРЛИ. Ф. 348. Ед. хр. 19. 4. 87. Л. 22–23. Адрес: «Действительный Тайный Советник Сенатор Граф Хвостов покорно просит Симбирской губернии Г. Губернского почт-мейстера передать сие письмо немедленно верно или переслать в его вотчины Его Благородию Николаю Михайловичу Языкову в *Симбирске*». (Там же. Л. 23 об.) Почтовый штамп отправления: «С. Петербург. 25 сент. 1833».

На небольшой полоске бумаги, приложенной к последней странице письма, написано:

Продолжение разговора о невнимании ко мне пишущих современников, да молвлю то, что говорил Гнедичу в моем послании том 3-й стр. 47-я, я не Гомер и справедливо, что о моем рождении и смерти

“Не только семь городов, ниже одно село
Не пикнет, что певца на свет произвело”⁹⁷.

В следующем письме от 8 января 1834 г. Хвостов делится с Языковым петербургскими новостями, упоминает о Пушкине и сообщает о выходе первого тома «Библиотеки для чтения»:

Милостивый Государь мой
Николай Михайлович!

Посылаю Вам безделку, наскоро написанную и случайно напечатанную⁹⁸. Прошу ее полюбить. Она в романтическом вкусе много говорит о русских костюмах, а я надеюсь, что она писана совершенно в русском духе, идеи и чувства не низкие, а выражения, кажется, приличные. Извините, что я при старости себя хвалю, но мне лестно уловить Ваше внимание и заслужить отзывы, коими всегда меня удостаивали. Седьмой том моих стихотворений уже на станке Академической типографии⁹⁹. На Святой неделе, или вскоре после праздника надеюсь Вам его сообщить, а теперь позвольте мне поздравить Вас не по обычаю, а от чистого сердца с наступившими праздниками рождества Христова и нового году и пожелать вам всех возможных благ. А превосходной музе вашей не скупиться дарить нас истинно изящным. Давний приятель Ваш, известной А. Пушкин, сияет в златошвейном кафтане. Он с нынешнего нового году придворной человек, т. е. Камер-юнкер, то самое, что был и я в новом же годе при Екатерине II, лета 1795. И я тогда, как писал к Графу Аполосу Аполосовичу Мусину-Пушкину, что с ним вместе:

⁹⁷ Там же. Л. 24. Хвостов ссылается на последнее издание своих стихотворений и не совсем точно цитирует послание «Н.И. Гнедичу» (1809). Верно: «Семь спорить городов, ниже одно село». Эту строку Хвостов сопроводил примечанием: «Семь греческих городов спорили о месте рождения Гомера; каждый из них присвоивал себе честь сию. Имена сих городов заключаются в следующем двустиишии: Smirna, Rhodos, Colophon, Chio, Argos, Athenae, Orbis de patria certat, Homere, tua» [19, т. 3, с. 161].

⁹⁸ Имеется в виду: «<Хвостов Д.И.> Русская песня. 1833 года Декабря 6 дня» (СПб., 1833).

⁹⁹ [19, т. 7]: СПб., 1834. Цензурное разрешение было получено еще 6 декабря 1833 г., но книга вышла в свет только в мае 1834 г.

«Учтивости плели и шаркали ногой»¹⁰⁰.

При многих Вам моих пожеланиях, желаю, чтобы Вы меня не разлюбили и имели бы терпение прочесть от доски до доски журнал Смирдина. Мне прислали огромный том за Генварь месяц, который я почти одолел, просидев целую неделю за холодом дома. Герой в оном Брамбеус или Сенковской по своей повести¹⁰¹ и по толку <о> Скандинавских Летописцах¹⁰².

Верьте дружбе, преданности и почтению, с которыми есмь и буду, Ваш
Милостивый Государь мой
Покорной Слуга
Граф Хвостов.

8 Генваря.
1834 год.¹⁰³

«Русская песня», выпущенная отдельной брошюрой и помещенная затем в седьмом томе сочинений, была написана к 6 декабря 1833 г., ко дню тезоименитства Николая I. Тогда придворные дамы предстали в нарядах в древнерусском стиле, по поводе чего Пушкин записал в дневнике: «Дамы представлялись в русском платье. На это некоторые смотрят как на торжество» [20, т. 12, с. 317]. К некоторым относился и Хвостов, восторгавшийся придворным новшеством, в то время как иные осуждали чрезмерную роскошь, когда в стране был голод по случаю неурожая¹⁰⁴.

¹⁰⁰ Хвостов приводит строку из своего послания «Графу Аполлосу Аполлосовичу Мусину-Пушкину» (1803); см.: [19, т. 7, с. 90].

¹⁰¹ *Барон Брамбеус* <Сенковский О. И.>. Вся женская жизнь в нескольких часах. Повесть, исполненная философии // Библиотека для чтения. 1834. Т. I. Отд. I. Русская словесность. С. 33–114.

¹⁰² *Сенковский О. И.* Скандинавские саги // Там же. Отд. III. Науки и искусства. С. 1–77.

¹⁰³ ИРЛИ. Ф. 348. Ед. хр. 19. 4. 87. Л. 25–25 об. Адрес: «Действительный Тайный Советник Сенатор Кавалер Граф Дмитрий Иванович Хвостов просит покорно Господина Симбирской губернии Города *Симбирска* Губернского Господина почтмейстера доставить сие письмо немедля с приложением посылки в холсте под лит. *А.* Его Благородию Николаю Михайловичу Языкову, где он обретается *в Симбирске*» (Там же. Л. 26 об.). Почтовый штемпель о получении письма: «Симбирск. 1834. Ген: 22».

¹⁰⁴ Хвостов прислал 6 декабря свое стихотворение А. Ф. Воейкову, у которого вечером того дня собрались известные литераторы. На следующий день, 7 декабря, Воейков с плохо скрываемой иронией писал Хвостову: «Милостивый государь граф Дмитрий Иванович! Вчерашний день, вечером, у меня был *В. А. Жуковский, Карлгоф, А. С. Пушкин, князь П. А. Вяземский*, много военных генералов и отличных писателей, когда принесли мне превосходнейшее стихотворение Ваше на Русскую одежду придворных дам. Я поспешил разделить с своими гостями небесное наслаждение поэзии. Все были в восторге — и громкие рукоплескания, и гул одобрения долго не умолкали. Юношеский жар, пламенная любовь к отечеству и огонь поэзии соединены в сих куплетах. Хвала Вам, честь, слава, ура! Дав Вашему сиятельству отчет сей, прибавлю глубочайшее мое прискорбие о том, что сие знаменитое произведение

Любопытны известия, которые Хвостов передает Языкову о Пушкине¹⁰⁵. Будучи осведомленным о нем через общих знакомых, граф при случае сообщал новости о поэте в переписке. Так, 24 октября 1827 г. Хвостов пишет П.И. Лялину из Петербурга в Калугу: «Славный Пушкин ездил хозяйничать в деревню, снова сюда возвратился и выдал третью главу Онегина, которой прочтите похвалу в Северной пчеле»¹⁰⁶.

Представляет интерес и отзыв Хвостова о «Библиотеке для чтения». Творчество Сенковского граф оценивал неоднозначно. Так, после выхода в свет книги сподвижника Хвостова по составлению свода биографий литераторов («Словаря русских писателей», оставшегося в рукописях) — С.В. Руссова¹⁰⁷, вступившего в полемику с Сенковским, граф заметил: «Я думаю, что Сеньковский, поместивши <так> в Библиотеке для Чтения под своим именем Скандинавские саги, прочитав возражение, усомнится и не будет впредь свою прозу наполнять подобною нелепицею»¹⁰⁸. Или в другом отзыве: «Висячий гость¹⁰⁹, произведение, достойное пера Брамбеуса. Прекрасно!»¹¹⁰ Языков с одобрением принял сочинения Сенковского. «Барон Брамбеус молодец» [10, с. 287], — пишет он брату Александру 26 марта 1833 г., имея в виду произведения, опубликованные в другом сми-

Анакреонтического пера Вашего не может быть напечатано в Лит.<ературных> прибавлениях, поелику все листки на нынешний год уже оттиснуты. С глубочайшим высокопочтением имею честь быть, Вашего сиятельства покорнейшим слугою, А. Воейков. 1833-го года. Декабря 7 дня. С. Петербург» (ИРЛИ. Ф. 322. Ед. хр. 79. Л. 222). Письмо без указания даты, с произвольной заменой имени и отчества Хвостова и некоторыми изменениями в тексте было опубликовано П.О. Морозовым в: [14, с. 401–402], и в этом же виде было приведено в «Хронике жизни и творчества А.С. Пушкина» [26, с. 237] с широкими хронологическими рамками события: «1833. Декабрь, 7... 25(?). Петербург». Факт присутствия Пушкина на вечере у Воейкова при чтении «Русской песни» Хвостова требует уточнения в «Хронике» и должен быть введен в «Летопись жизни и творчества А.С. Пушкина» при ее переиздании с точной датировкой: «1833. Декабрь, 6. Петербург».

¹⁰⁵ Введенный в: [26, с. 285] факт извещения Языкова Хвостовым о камерюнкерстве Пушкина должен быть уточнен указанием конкретной даты месяца: «1834. Январь, 8. Петербург».

¹⁰⁶ ИРЛИ. Ф. 322. Ед. хр. 32. Л. 57 об. Пушкин уехал в Михайловское 27 июля и вернулся в Петербург 16 октября 1827 г. Третья глава «Евгения Онегина» вышла в свет 10–11 октября 1827 г. Похвала — рецензия на нее без подписи (Северная пчела. 1827. № 124, 15 октября). Данный факт осведомленности Хвостова о поэте не отмечен в хронологических сводах о жизни и творчестве Пушкина.

¹⁰⁷ О Сагах в отношении к Русской Истории, или Вообще о древней Руси. Соч. С. Руссова. СПб., 1834.

¹⁰⁸ ИРЛИ. Ф. 322. Ед. хр. 2. Л. 7. Публикацию заметки см.: [25, с. 179].

¹⁰⁹ *Барон Брамбеус* <Сенковский О.И.>. Висячий гость. Происшествие неправдоподобное, потому что истинное // Библиотека для чтения. 1834. Т. VI. Отд. I. Русская словесность. С. 68–87.

¹¹⁰ ИРЛИ. Ф. 322. Ед. хр. 2. Л. 17 об.

динском издании — альманахе «Новоселье»: повести «Незнакомка», «Антар» и «Большой выход у Сатаны».

В следующем своем письме от 21 мая 1834 г., поздравляя Языкова с Пасхальным праздником и посылая очередной том своих стихотворений, Хвостов писал:

Милостивый Государь мой
Николай Михайлович,

Поздравляю вас, мой почтенный вдохновенный Поэт, с праздником Светлого Христова Воскресенья. Еще более поздравляю с весною — вдохновительницею Муз, а всего более поздравляю с превосходным талантом, которым вас одарило Верховное Существо. Я давно уже к вам не писал, и, следственно, давно от вас не имел ответа. На истекшей Святой неделе были у нас большие духовные и светские торжества по случаю присяги Наследника престола, что вам уже известно по журналам, газетам и от приезжающих. Старая моя Муза воспламенилась сим отечественным событием, и я посылаю к вам несколько экземпляров стихов, мною на сей случай сочиненных¹¹¹. Также прилагаю и на сих днях вышедший VII-й том моих стихотворений полного собрания. Вы мой превозноситель и вместе Аристарх; вы уже были столько благосклонны, что оценили мои рукописи о выставке рукоделий, послание к Жуковскому и Свидание с Дмитриевым. Неизвестные вам прибавлены только: Европейская Слава и Послание к Живописцу Брюлову. Любите меня столько, что примите милостиво мой VII-й том, удостойте ответа, и сообщите мне ваши замечания.

Пора и вам, почтенный и любезнейший мой Поэт, чем-нибудь нас подарить. Я ожидаю от вас чего-нибудь достойного вас. Напишите, в чем вы упражняетесь и верьте, что есть и буду с истинным почтением ваш,

Милостивый государь мой,
Покорный Слуга
Граф Хвостов.

Маия 21-го дня
1834¹¹².

В надежде, что письмо и книги найдут адресата в его симбирском имении, Хвостов отправляет корреспонденцию губернскому почтмейстеру для пересылки Языкову. В это время граф занят подготовкой к изданию своих прозаических сочинений, которые должны были составить восьмой, так и не вышедший из-за его смерти, том,

¹¹¹ Присяга великого князя Александра Николаевича состоялась 22 апреля. Хвостов на это событие сочинил и выпустил отдельным изданием стихотворение: «22-го Апреля в С. Петербурге 1834 года. Стихотворение Графа Хвостова» (СПб., 1834).

¹¹² ИРЛИ. Ф. 348. Ед. хр. 19. 4. 87. Л. 27–27 об.

и одновременно усиленно работает над составлением «Словаря русских писателей», для чего обращается за необходимыми сведениями к самим литераторам. А ответ Языкова на майское письмо все еще не приходит. Тем временем увидело свет написанное по случаю открытия Александровской колонны стихотворение Хвостова «30 августа 1834 года», дважды им напечатанное с небольшими изменениями в виде отдельных брошюр¹¹³. Первое издание граф отсылает своему молодому собрату по перу. В сопроводительном письме он обеспокоен отсутствием известий от Языкова и просит его предоставить биографические данные о себе:

Милостивый Государь мой
Николай Михайлович.

Я имел честь и удовольствие с начала весны препроводить к Вам чрез Г. Симбирского почтмейстера письмо и седьмой том моих стихотворений, на что доселе ожидаю благосклонного уведомления, а теперь тем же способом, как и весною, посылаю к Вам, знаменитому нашего времени поэту, мои стихи на открытие колонны, которые деланы почти по заказу и едва ли достойны Вашего внимания. Боюсь, чтобы Вы мне не сказали также как Желбаз гранадскому Епископу¹¹⁴, что пора и мне перестать писать стихи. По крайней мере Вы похвалите мой эпитаф: “Любить, хвалить царя хвалимого вселенной”, которой стих не мой, а законодателя правил и вкуса¹¹⁵. Надписываю мою грамотку и теперь чрез Г. Симбирского почтмейстера и не знаю, здоровы ли Вы и где теперь: в Москве, Симбирске или в деревне. Успокойте почти 80-летнего старца, напишите ко мне хотя строчку о Вашем здоровье и упражнении, и не замедлите присылать, как я Вас о том просил, *Парнасской Ваш послужной список*, т. е. биографию Вашу, в котором году и где Вы родились, где обучались, и когда напечатаны <так!> полное собрание Ваших стихотворений. Не поленитесь исполнить просьбу Вашего друга и искренно Вас почитающего и притом покорного слугу

Графа Хвостова.

3 сентября 1834¹¹⁶.

Письма Хвостова долго шли к своему адресату. Ответ Языкова сразу на оба письма аннотирован графом так: «Симбирской губернии из г. Корсуня от знаменитого поэта Николая Михайловича Языкова

¹¹³ 30 Августа 1834 года. Стихотворение Графа Хвостова. СПб., 1834. Цензурное разрешение П. Гаевского от 22 августа 1834 г. (первое издание) и 23 сентября 1834 г. (второе издание).

¹¹⁴ Хвостов имеет в виду героя плутовского романа А.-Р. Лесажа «История Жиль Бласа из Сантьяны», известного в России в переводе В. Теплова.

¹¹⁵ Хвостов подразумевает Н. Буало-Депрео.

¹¹⁶ ИРЛИ. Ф. 348. Ед. хр. 19. 4. 87. Л. 29–29 об.

о получении седьмого тома Стихотворений и обещание прислать свою биографию Декабря 7»¹¹⁷.

Милостивый Государь,
Граф Дмитрий Иванович!

Я имел честь получить от вашего Сиятельства седьмой том ваших стихотворений и 30 Августа 1834 года. Не знаю, как выразить вам мою благодарность за внимание, которым вы не перестаете удостаивать меня, действовавшего так недолго и незначительно на том самом поприще, где вы подвизаетесь столь постоянно и достоуважно!

В седьмом томе, понравились мне, более прочих, стихотворения: Размышление о Спасителе Мира¹¹⁸, Извлечение из Песни Моисеевой, Прощание поэта с землею, Радостная в Августе весть 1831 года, Весна 1833 года, Русская песня 6 Декабря 1833 года, Русскому живописцу Брюлову и многие мелкие; но всего более понравилось мне послание к Н.М. Языкову, несмотря на то, что я давно уже знаю его наизусть. В стихотворении 30 Августа 1834 особенно хороша последняя строфа, в ней виден поэт, чувствующий самого себя и сильно выражающий свои чувствования.

Постараюсь исполнить, как можно скорее, желание вашего Сиятельства иметь мой *парнасской послужной список, т. е. мою биографию*: я уже собираю справки, нужные для этого дела, требующего сведений самых верных.

С истинным почитанием и совершенною
преданностию честь имею быть

вашего Сиятельства
покорнейший Н. Языков.

1834 года.
Декабря 7.
Корсун¹¹⁹.

Языков не спешит делиться с Хвостовым своими поэтическими «упражнениями», однако благосклонно отзываясь о сочинениях самого графа: седьмом томе и брошюре со стихотворением по случаю открытия Александровской колонны. Он достаточно подробно ознакомился с присланными изданиями. Стихотворение «30 августа 1834 года» написано в лучших традициях одических произведений минувшего столетия; особо отмечены Языковым заключительные строки в нем:

¹¹⁷ Там же. Ф. 322. Ед. хр. 80. Л. 6.

¹¹⁸ Так Хвостовым был переименован «Гимн Иисусу Христу» при включении его в состав седьмого тома стихотворений.

¹¹⁹ Там же. Л. 193–194.

Стократно счастлив я — благодарю Творца!
 Храня преклонных лет безвестного певца,
 Он дар присвоил мне, послал и дух и силу —
 Да прежде чем спущусь с Парнасских гор в могилу,
 Величие, красу отечества узреть:
 Диковинку земли — наш памятник воспеть.
 Высокий цельный столб гранитный удивляет,
 России к двум ЦАРЯМ он пламень чувств являет¹²⁰.

По просьбе Хвостова Языков начал собирать данные о своих публикациях и, возможно, писать автобиографию. Однако неизвестно, получил ли эти сведения граф, в его архиве их нет. 22 октября (3 ноября по новому стилю) 1835 г. престарелого стихотворца не стало.

Литература

1. Балакин А.Ю. Близко к тексту: разыскания и предположения. Статьи 1997–2017 годов. СПб.: Пальмира; М.: Книга по требованию, 2017. 357 с.
2. Барсуков Н.П. Жизнь и труды М.П. Погодина: в 22 кн. СПб., 1890. Кн. 3. 7 + 387 с.
3. Бодрова А.С. Поэт Языков, цензор Красовский и министр Шишков: к истории цензурной политики 1824–1825 годов // Русская литература. 2018. № 1. С. 35–51.
4. Вацуро В.Э. Булгарин и граф Хвостов. Из записок филолога // Русская речь. 1987. № 3. С. 31–33.
5. Виноцкий И. Граф Сардинский: Дмитрий Хвостов и русская культура. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 352 с.
6. Гоголь Н.В. Полн. собр. соч.: в 14 т. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1952. Т. 8: Статьи. 816 с.
7. Записки Ф.Ф. Вигеля / Изд. «Русского архива» (дополненное с подлинной рукописи). М.: Унив. тип., 1891. Ч. 1. 224 с.
8. Из архива Хвостова / публ. А.В. Западова // Литературный архив. Материалы по истории литературы и общественного движения. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1938. Т. 1. С. 359–407.
9. Из неизданной переписки Н.М. Языкова. I. Н.М. Языков и В.Д. Комовский. Переписка 1831–1833 гг. / публ. М.К. Азадовского // Литературное наследство. М.: Журнално-газетное объединение, 1935. Т. 19–21. С. 33–104.
10. Карпов А.А. Эпоха 1830-х годов в письмах Н.М. Языкова // Пушкин: Исследования и материалы. Л.: Наука, 1983. Т. 11. С. 268–295.
11. Курочкин А.В. А.С. Пушкин в «Записках о словесности» графа Д.И. Хвостова // Русская литература. 2019. № 3. С. 73–92.
12. Курочкин А.В. «...Племянник был молод, а дядя — кроток...» (А.С. Пушкин и его дядя в письмах современников к графу Д.И. Хвостову) // Русская литература. 2020. № 1. С. 79–92.

¹²⁰ 30 Августа 1834 года. Стихотворение Графа Хвостова. С. 5.

13. Летопись жизни и творчества А.С. Пушкина: в 4 т. / сост. Н.А. Тархова. М.: Слово, 1999. Т. 4: 1833–1837. 752 с.
14. *Морозов П.О.* Граф Дмитрий Иванович Хвостов // Русская старина. 1892. № 8. С. 396–430.
15. Письма Д.И. Хвостова к М.П. Погодину / публ. Т.Ф. Нешумовой // Лица: биографический альманах. М.; СПб.: Феникс; Atheneum, 1993. Т. 1. С. 269–286.
16. Письма Н.М. Языкова к родным за дерптский период его жизни (1822–1829) / изд. Отделения русского языка и словесности Императорской академии наук, под ред. и с объясн. примеч. Е.В. Петухова. СПб., 1913. 502 с.
17. Письма П.А. Кагенина к Н.И. Бахтину (Материалы для истории русской литературы 20-х и 30-х годов XIX века) / с вступ. ст. и примеч. А.А. Чебышева. СПб., 1911. 250 с.
18. Полное собрание стихотворений Графа Хвостова: в 4 ч. СПб.: Тип. Императорского Воспитательного дома, 1821–1822.
19. Полное собрание стихотворений Графа Хвостова: в 7 т. СПб.: Тип. Имп. Рос. академии, 1828–1834.
20. *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч.: в 16 т. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1937–1959.
21. Пушкин в неизданной переписке современников (1815–1837) // Литературное наследство. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1952. Т. 58. С. 3–154.
22. Стихотворения Н. Языкова. СПб.: Тип. вдовы Плюшар с сыном, 1833. IX + 308 с.
23. *Тихомиров Н.С.* Д.В. Дашков и граф Д.И. Хвостов в Обществе любителей словесности, наук и художеств в 1812 г. // Русская старина. 1884. № 7. С. 105–113.
24. *Тынянов Ю.Н.* Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука, 1977. 576 с.
25. *Хвостов Д.И.* Заметки 1834 года / предисл., публ. и коммент. Е.Э. Ляминой // Новое литературное обозрение. 1993. № 5. С. 172–182.
26. Хроника жизни и творчества А.С. Пушкина: в 3 т. 1826–1837. М.: ИМЛИ РАН, 2009. Т. 2. Кн. 2: 1833–1834 / сост. Г.И. Долдобанов, науч. ред. А.А. Макаров, И.С. Сидоров. 528 с.

Research Article and Publication of Archival Documents

N.M. Yazykov and Count D.I. Khvostov: Dialogue Between the Romanticist and the Classicist

© 2021. Alexander V. Kurochkin

National Pushkin Museum, Saint Petersburg, Russia

Abstract: The article is devoted to the relationship of prominent representatives of opposite literary trends: the romanticist N.M. Yazykov and the classicist count D.I. Khvostov. Starting as a poetic game, the communication of two poets gradually developed into correspondence. The history of their dialogue is recreated on the basis of lifetime poetic publications and epistolary materials from Yazykov and Khvostov collections in the Manuscript Department of Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences. For the first time, the correspondence of two poets is introduced into scientific circulation. The work reveals the nature of their creative connections, outlines the facets of literary interests and assessments,

complementing the picture of the history of literature in Pushkin's time. The article specifies some facts related to A.S. Pushkin.

Keywords: N.M. Yazykov, D.I. Khvostov, A.S. Pushkin, romanticism, classicism, poetic dialogue, correspondence.

Information about the author: Alexander V. Kurochkin — Research Fellow, National Pushkin Museum, 191186, the Moika River Embankment, St. Petersburg, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-8291-0427> E-mail: alkurochkin@mail.ru

For citation: Kurochkin, A.V. “N.M. Yazykov and Count D.I. Khvostov: Dialogue Between the Romanticist and the Classicist.” *Literaturnyi fakt*, 2021, no. 4 (22), pp. 173–224. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2021-22-173-224>

References

1. Balakin, A.Iu. *Blizko k tekstu: Razyskaniia i predpolozheniia. Stat'i 1997–2017 godov* [Close to the Text: Discoveries and Assumptions. Articles of 1997–2017]. St. Petersburg, Pal'mira Publ., Moscow, Kniga po trebovaniuu Publ., 2017. 357 p. (In Russ.)
2. Barsukov, N.P. *Zhizn' i trudy M.P. Pogodina: v 22 kn.* [Life and Works of M.P. Pogodin: in 22 books], book 3. St. Petersburg, 1890. 7 + 387 p. (In Russ.)
3. Bodrova, A.S. “Poet Iazykov, Censor Krasovskii i ministr Shishkov: k istorii tsenzurnoi politiki 1824–1825 godov” [“Poet Yazykov, Censor Krasovsky and Minister Shishkov: on the History of Censorship Policy in 1824–1825”]. *Russkaia literatura*, no. 1, 2018, pp. 35–51. (In Russ.)
4. Vatsuro, V.E. “Bulgarin i graf Khvostov. Iz zapisok filologa” [“Bulgarin and Count Khvostov. From the Philologist's Notes”]. *Russkaia rech'*, no. 3, 1987, pp. 31–33. (In Russ.)
5. Vinitskii, I. *Graf Sardinskii: Dmitrii Khvostov i russkaia kul'tura* [Count Sardinsky: Dmitry Khvostov and Russian Culture]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2017. 352 p. (In Russ.)
6. Gogol', N.V. *Polnoe sobranie sochinenii: v 14 t.* [Complete Works: in 14 vols.], vol. 8: Articles. Moscow, Leningrad, USSR Academy of Sciences Publ., 1952. 816 p. (In Russ.)
7. *Zapiski F.F. Vigelia* [Notes by F.F. Viegel], part 1, publ. by the 'Russian Archive' (with supplements from the original manuscript). Moscow, Universitetskaia tipografiia, 1891. 224 p. (In Russ.)
8. “Iz arkhiva Khvostova” [“From the Khvostov Collection”], publ. by A.V. Zapadov. *Literaturnyi arkhiv. Materialy po istorii literatury i obshchestvennogo dvizheniia* [Literary Archive. Materials on the History of Literature and Social Movement], vol. I. Moscow, Leningrad, USSR Academy of Sciences Publ., 1938, pp. 359–407. (In Russ.)
9. “Iz neizdannoi perepiski N.M. Iazykova. I. N.M. Iazykov i V.D. Komovskii. Perepiska 1831–1833 godov” [“From the Unpublished Correspondence of N.M. Yazykov. I. N.M. Yazykov and V.D. Komovsky. Correspondence of 1831–1833”], publ. by M.K. Azadovsky. *Literaturnoe nasledstvo* [Literary Heritage], vol. 19–21. Moscow, Zhurnal'no-gazetnoe ob'edinenie Publ., 1935, pp. 33–104. (In Russ.)
10. Karpov, A.A. “Epokha 1830-kh godov v pis'makh N.M. Iazykova” [“The Era of the 1830s in the Letters of N.I. Yazykov”]. *Pushkin: Issledovaniia i materialy* [Pushkin: Studies and Materials], vol. 11. Leningrad, Nauka Publ., 1983, pp. 268–295. (In Russ.)
11. Kurochkin, A.V. “A.S. Pushkin v 'Zapiskakh o slovesnosti' grafa D.I. Khvostova” [“A.S. Pushkin in 'Notes on Literature' by Count D.I. Khvostov”]. *Russkaia literatura*, no. 3, 2019, pp. 73–92. (In Russ.)

12. Kurochkin, A.V. “‘...Plemiannik byl molod, a diadia — krotok...’ (A.S. Pushkin i ego diadia v pis'makh sovremennikov k grafu D.I. Khvostovu)” [“‘...The Nephew Was Young, and the Uncle Was Gentle...’ (A.S. Pushkin and His Uncle in the Contemporaries’ Letters to Count D.I. Khvostov)”]. *Russkaia literatura*, no. 1, 2020, pp. 79–92. DOI: 10.31860/0131-6095-2020-1-79-92 (In Russ.)
13. *Letopis' zhizni i tvorchestva A.S. Pushkina: v 4 t.* [Chronicle of A.S. Pushkin's Life and Work: in 4 vols.], vol. 4: 1833–1837, comp. by N.A. Tarkhova. Moscow, Slovo Publ., 1999. 752 p. (In Russ.)
14. Morozov, P.O. “Graf Dmitrii Ivanovich Khvostov” [“Count Dmitry Ivanovich Khvostov”]. *Russkaia starina*, no. 8, 1892, pp. 396–430. (In Russ.)
15. “Pis'ma D.I. Khvostova k M.P. Pogodinu” [“D.I. Khvostov's Letters to M.P. Pogodin”], publ. by T.F. Neshumova. *Litsa: biograficheskii al'manakh* [Faces: Biographical Almanac], vol. 1. Moscow, St. Petersburg, Feniks Publ., Atheneum Publ., 1993, pp. 269–286. (In Russ.)
16. *Pis'ma N.M. Iazykova k rodnym za derptskii period ego zhizni (1822–1829)* [Letters of N.M. Iazykov to His Relatives for the Derpt Period of His Life (1822–1829)], publ. by the Department of Russian Language and Literature of the Imperial Academy of Sciences, ed. and comm. by E.V. Petukhov. St. Petersburg, 1913. 502 p. (In Russ.)
17. “Pis'ma P.A. Katenina k N.I. Bakhtinu (Materialy dlia istorii russkoi literatury 20-kh i 30-kh godov XIX veka)” [“P.A. Katenin’s Letters to N.I. Bakhtin (Materials for the History of Russian Literature of the 1820s and 1830s)”], introd. and comm. by A.A. Chebyshev. St. Petersburg, 1911. 250 p. (In Russ.)
18. *Polnoe sobranie stikhotvorenii Grafa Khvostova: v 4 ch.* [Complete Poems by Count Khvostov: in 4 parts]. St. Petersburg, Tipografiia Imperatorskago Vospitatel'nago doma Publ., 1821–1822. (In Russ.)
19. *Polnoe sobranie stikhotvorenii Grafa Khvostova: v 7 t.* [Complete Poems by Count Khvostov: in 7 vols.]. St. Petersburg, Tipografiia Imperatorskoi Rossiiskoi akademii Publ., 1828–1834. (In Russ.)
20. Pushkin, A.S. *Polnoe sobranie sochinenii: v 16 t.* [Complete Works: in 16 vols.]. Moscow, Leningrad, USSR Academy of Sciences Publ., 1937–1959. (In Russ.)
21. “Pushkin v neizdannoi perepiske sovremennikov (1815–1837)” [“Pushkin in the Unpublished Correspondence of His Contemporaries (1815–1837)”]. *Literaturnoe nasledstvo* [Literary Heritage], vol. 58. Moscow, USSR Academy of Sciences Publ., 1952, pp. 3–154. (In Russ.)
22. *Stikhotvoreniia N. Iazykova* [Poems by N. Iazykov]. St. Petersburg, Tipografiia vdovy Pliusnar s synom, 1833. 9 + 308 p. (In Russ.)
23. Tikhonravov, N.S. “D.V. Dashkov i graf D.I. Khvostov v Obshchestve liubitelei slovesnosti, nauk i khudozhestv v 1812 g.” [“D.V. Dashkov and Count D.I. Khvostov in the Society of Lovers of Literature, Sciences and Arts in 1812”]. *Russkaia starina*, no. 7, 1884, pp. 105–113. (In Russ.)
24. Tynianov, Iu.N. *Poetika. Istoriia literatury. Kino* [Poetics. Literary History. Cinema]. Moscow, Nauka Publ., 1977. 576 p. (In Russ.)
25. Khvostov, D.I. “Zametki 1834 goda” [“Notes of 1834”], introd., publ. and comm. by E.Ie. Liamina. *Novoe literaturnoe obozrenie*, no. 5, 1993, pp. 172–182. (In Russ.)
26. *Khronika zhizni i tvorchestva A.S. Pushkina: v 3 t. 1826–1837* [Chronicle of A.S. Pushkin's Life and Work: in 3 vols. 1826–1837], vol. 2, book 2: 1833–1834, comp. by G.I. Doldobanov, sci. ed. by A.A. Makarov, I.S. Sidorov. Moscow, IWL RAS, 2009. 528 p. (In Russ.)